

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ВЕДУН

ВОИН МРАКА

Александр Дмитриевич Прозоров

Воин мрака

Серия «Ведун», книга 18

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707322

Прозоров А. Д. Ведун. Воин мрака : фантастический роман : Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71820-7

Аннотация

Прикосновение богини Мары убивает...

Ведуну, пожелавшему заключить эту прекрасную повелительницу смерти в свои объятия, сперва нужно добраться до легендарной «Голубиной книги», хранящей всю мудрость Славянского мира, и узнать, как можно уберечься от чар жестокой богини. Чтобы потом, без помех, отыскать вход в мир мертвых. Даже для Олега Середина, волею судьбы оказавшегося в Древней Руси, это не самая простая задача...

Содержание

Перо ворона	5
Воин мрака	60
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Александр Прозоров

Ведун. Воин мрака

© Прозоров А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Перо ворона

В синеве прозрачного неба, широко раскинув иссиня-черные крылья, парил ворон. Он был огромен, больше сажени в длину и не меньше двух в размахе. Однако высота скрадывала размеры, и с земли птица казалась самой обычной. Разве догадаешься, подняв глаза, что летит она не в сотне саженей над головой, а в добрых трех верстах?

Впрочем, здесь, среди дебрей в верховьях Камы, на него и смотреть-то было некому. Зверью дикому небесные птицы без интереса, а селений людских тут так мало, что от веси до веси неделя пути выпадает, не менее. А уж города и вовсе в диковинку.

Чуть накренив крылья, ворон скользнул над извилистой рекой, местами сверкающей ледяной коркой, а местами все еще бодро журчащей под солнечными лучами, и спикировал в урочище между холмами, ошетилившимися крутыми скальными отрогами. Сделал широкий круг вокруг одинокого серого дымка, уходящего из-под березовых крон вертикально вверх, решительно нырнул, скользнул над самой травой, сложил крылья и кувыркнулся через голову, стремительно оборотившись в крепко сбитого седого старика с бледными, выцветшими глазами, коротко стриженными волосами и смуглым морщинистым лицом, одетого в кожаные штаны и куртку безо всяких украшений.

– Доброго тебе дня, мудрый Липин по прозвищу Карнаух, – Олег Середин потер запястье, больно обожженное крестиком, плотно примотанным к коже. Колдун был силен, и православный оберег буквально полыхал огнем, хоть снимай его и в карман на время клади. – Я тут лист брусничный с иван-чаем как раз заварил. Попьешь горячего?

– Благодарствую, ведун, не откажусь, – повел плечами гость. – Холодно наверху ныне, насквозь ветром пробирает...

– А чего же ты ждал, Карнаух? – усмехнулся Олег. – Зима... Снега вот только отчего-то нет. Морозы первые еще неделю назад ударили. Седмицу, в смысле.

Он скинул с котелка кусок толстой замши, укрывавшей варево, тонкостенным ковшиком черпнул чаю и двумя руками уважительно протянул корец гостю. Тот принял, отпил пару глотков, довольно крякнул:

– Ароматный-то какой! Сто лет чая настоящего не пробовал.

– Нешто наколдовать не мог, коли по угощению такому соскучился? – удивился ведун. – Тебе же вроде как любые чары подвластны!

– Хороший чай, он ведь со стебля по первоцвету срысывается, ночь во влажном подполе выдерживается, опосля юной девственницей в ладонях перетирается, на брожение на неделю оставляется, потом пережаривается и в кладовой медовой до готовности высушивается... – со знанием дела

перечислил Карнаух. – Рази чародейством сие все повторить возможно? Сие само по себе есть дивное колдовство!

Старик отпил еще пару глотков и опять со вкусом крякнул.

– Смотрю, волосы свои ты все состриг, чародей. Не боишься, что сила вся с ними уйдет? – поинтересовался ведун.

– Сил у меня и без волос в достатке, – выдохнул облачко пара Карнаух. – А судьба старая вместе с ними в прошлом остается. Хватит мне уже на острове болотном сычом сидеть да глупости минувшие оплакивать. Пора к жизни возвратиться, к силушке и здоровью, к миру и земле. Чего было, того не миновать, а что будет – токмо от меня зависит. Более добротой ошибаться не стану. А ты, смотрю, сам решил поотшельничать? – Колдун указал подбородком на шалаш с толстой камышовой крышей и меховым пологом, что стоял за кострищем.

Возле немудреного жилища были разложены сумки и вещи ведуна: второй котелок, топор, оружие, две плетенные из ивовых прутьев верши. Чуть далее возвышалась поленница, над которой сохли на веревке штаны, куртки, исподнее белье.

– Так ведь распутица, Карнаух, – пожал плечами ведун. – Через замерзшие реки вброд переходить себе дороже. Сам простудишься, лошади о лед поранятся. А по льду идти рано. Тонкий еще, не держит. Вот и пережидая. Заодно снаряжение поправляю да еды в дорогу запасаю. Тут рыбы в ближ-

них оmutах столько, хоть котелком черпай. За холмами старика тянется, в ней караси такие жирные, хоть вместо свечи поджигай! Ну, и зайцы с оленями еще в силки попадают, тоже подспорье.

– Не жадничаешь? Тебе же столько не съесть!

– Зима длинная... На морозе припасы не портятся. Зато до весны никаких хлопот с обедами не будет.

Карнаух вскинул брови, чуть подумал – и согласно кивнул. Отпил еще немного чая из ковша.

– Какими судьбами в здешних краях, чародей? – все же не сдержал любопытства Олег. – Уж не желаешь ли со мною побродяжничать?

– Да нет, ведун, я по старинке скитаться предпочитаю, на крыльях, – слегка поморщившись, повел плечами Карнаух. – Медленно уж очень на лошадях выходит. По небу за час больше промчишься, нежели ногами за месяц одолеешь.

Середин промолчал, не желая признаваться, что ни летать, ни перекидываться в зверей не умеет.

– Вот токмо зимами холодно, – задумчиво продолжал старый колдун. – Да и не взять с собой ничего, кроме мелочей каких. Тулуп, помню, подарили. Веришь – унести не смог! Хотя он, понятно, не столько тяжел, сколько велик. Ветер шибко сносил, да еще и закручивал... – Карнаух почмокал губами, отпил еще чаю, пригладил голову: – Ты, чую, вспоминал обо мне часто в дни последние?

– Ты ко всем прилетаешь, кто о тебе вспомнил, чародей?

– Ныне можно и ко всем, – вздохнул гость, осушил ковш и протянул обратно Олегу. – Вспоминают редко. Мыслию, кроме тебя, и вовсе никто не помнит...

– Мне жаль, Липин, – виновато развел руками Середин.

– Это мне жаль, – покачал головой колдун. – Стыдно мне, что пожелания твоего исполнить не смог. Никогда со мной не случилось такого, чтобы чаяний гостя своего не оправдал. А тут... Не в силах. Но и ты, согласишься, задачу непростую выбрал. Саму Мару обнять тебе захотелось! Богиня смерти прельстила... Откель блажь такая взялась? Нешто земных женщин тебе мало?

– Разве могут сравниться с нею земные женщины, Карнаух? – искренне удивился Олег. – Мара не просто грудь да ноги. Ее глаза горят пламенем и, когда она во гневе, способны пронзить насквозь. Ее лицо словно выточено из мрамора лучшим из ваятелей, и нет в нем ни единого изъяна! Тонкий нос, гладкие щеки, высокий лоб, соболиные брови, огромные ресницы, каждый взмах которых заставляет сбиваться сердце. Ее ушки вычурны и изящны, словно арабская вязь, ее подбородок с ямочкой суть сама гордость, когда вскинут и открывает лебединую шею. Эта шея бывает в вороте, а бывает открыта – и тогда до дрожи хочется прикоснуться к ней, ощутить холодную бархатистость кожи, согреть своим дыханием, скользнуть выше и прильнуть к устам... Ты бы видел ее губы, Карнаух! Они бывают суровыми и мягкими, они могут растягиваться в улыбке и сжиматься в ярости, но они все-

гда так манят, что только страх смерти способен остановить от прикосновения к ним поцелуем...

– Очень правильный страх! – громко хмыкнул колдун. – Это богиня смерти, и ее поцелуй может лишить жизни самого Сварога! А уж твоя судьба для нее как огонек свечи. Случайным взмахом погасить способна и деяния сего не заметит.

– Значит, ты не нашел способа, как можно обнять Мару и остаться живым?

– Никто из богов, мудрецов и чародеев никогда не задумывался о таком поступке, – пожал плечами Карнаух. – А коли никто этого не хотел, то и ответа никто не искал. Может быть, он есть в «Голубиной книге»? Ты, кстати, до нее почти дошел. Тут по прямой всего два часа лета.

– Насмехаешься? Окрест реки, болота да буреломы. Тут даже зная путь, и то месяц петлять придется. А я еще толком и не понял, куда именно боги славянские святилище упрятали.

– Насмехаюсь, – с широкой, искренней улыбкой подтвердил Карнаух. – Но коли вина великая за мной есть, то хоть в этой мелочи подсоблю... – Он несколько раз с силой потрянул левой рукой, и на землю из нее выпало маленькое черное перышко. – Вот, возьми. Оно тебе путь покажет. «Книга голубиная» на святых горах лежит, под присмотром хранителя старого, под охраной семи великанов могучих, каждый до неба ростом, а окрест лежат земли заколдованные, заго-

воренные, на которых никому из смертных жизни нет. Токмо слуги мудрого Волха живут, каковые священную гору от чужаков незваных охраняют... Ну, ты их встретишь. Зимой ведь нежить спит, путников случайных отгонять и губить не может. Вот и приходится сим делом воинам из плоти и крови заниматься.

– Зачем же славянские боги столь важную книгу в такую глухомань запрятали? – удивился Олег. – Как же ею пользоваться, коли вопрос какой возникнет? Почему она не в городе каком-нибудь хранится, не в святилище?

– Ты же знаешь смертных, ведун. Вечно у них то война, то мор, то пожары, то еще какая глупость случится. То за место богов бесам и духам поклоняться начинают, то обманщики велеречивые к ним забредут, яд через уши людям доверчивым заливая. Глядишь, собственными руками смертные свои сокровища уничтожать принимают. Вспомни, ведун, сколько святилищ древних, идолов святых, рощ благоденных славяне по наущению проповедников распятого бога истребили! Несть им числа... А уж кабы книга знаний древних сим гостям в руки попала, враз голубиц огню бы предали и пепел по ветру развеяли!

– Это верно, – со вздохом признал Середин, потеряв запястье с крестиком. – Чужих знаний христиане на дух не переносят.

– Вот то-то и оно, – кивнул старик. – Здесь же, в святилище потаенном, мудрость в безопасности. Пожар случайный

ее не потревожит, враг не попортит, рука глупца забредшего не повредит, болезнь не убьет. А что далеко – так разве для богов или мудрецов это беда? В птицу перекинулся, крыльями взмахнул – и через день ты возле нее. Боги же, мысля, и вовсе вмиг переносятся, глазом моргнуть не успеешь. Тебя препятствия сии тоже не остановят. Ни стража, ни проклятия, ни заговоры, ни великаны. Ты же ведун!

– Да, я ведун, – согласился Олег. – Но библиотеки в городах, если честно, мне нравятся больше.

– Награду должен получать достойный, – улыбнулся Карнаух. – Мне ли не знать, к чему приводят обретенные без труда богатства? Хочешь открыть книгу – докажи, что имеешь на это право. Даже знания, данные задаром, пользы не принесут.

– А еще говорят: «На молоке обжегшись, на воду дуют», – парировал ведун. – Впрочем, какая разница? От меня тут ничего не зависит. Коли нужно идти, значит, пойду. Дело привычное. Рыбки здешней попробовать не желаешь? Полагаю, как раз запеклась. У меня в углях караси закопаны. Как чувствовал, что на двоих готовить нужно!

– Благодарствую, однако же перед дорогой лучше не есть, – отказался Карнаух. – Тяжко крыльями махать, коли брюхо тяжелое. А мне нонеча пора. Хочу до заката в горы успеть. Заверну к великанам, раз уж занесло в здешние края.

– Коли завернешь, так, может, заодно и в книгу заглянешь? Ответ на вопрос мой прочитаешь да на обратном пути

перескажешь.

– Велика больно «Книга голубиная», чтобы листать ее, ровно столбцы берестяные, – пояснил колдун. – Ее не листают, ведун, ее спрашивают. На вопросы она сама ответы дает. Чего ищешь, то и сказывает. Для меня вопрос твой – это слово просто. Она же в самую душу заглянет и ровно для тебя самое нужное найдет. Посему желание третье так за тобой и остается. Коли придумаешь, зови...

Старик, кряхтя и поводя плечами, потоптался, примериваясь к песчаной полоске меж выпирающих из земли уродливых сосновых корней, сделал несколько быстрых шагов, нырнул головой вперед, кувыркнулся и вскочил – точнее взмыл – уже вороном. Заскользил к близкой реке, над самой водой взмахнул крыльями, потом еще и еще, медленно набирая высоту, повернул вниз по течению и скрылся за излучиной, так и не поднявшись на высоту лесных крон.

Ведун перевел взгляд на перо в руке и деловито спрятал его в карман. Взял лежавшую возле костра обугленную ветку, поворошил угли, выгреб на край очага две тушки, замотанные в грязную от золы траву, оставил остывать.

– Голос ее звенит, словно колокольчик валдайский, – негромко продолжил Олег, но уже для себя. – Движения ее плавны, ровно вода текущая, вкрадчивы и завораживающи. Великая сила таится в каждом ее шаге, и великая мудрость в каждом слове. Разве может настоящий мужчина пройти мимо такой женщины? Яркой, словно клинок меча, и величе-

ственной, подобно седым горам...

– Ты так часто хвалил мою красоту и ум, ведун, что, похоже, и сам начал верить собственной лести...

Олег вскочил и неуверенно улыбнулся стройной женщине в длинном искрящемся платье. Неведомая ткань, словно наэлектризованная, прилипала к ней, облекая не только стан, плечи, руки, но и ноги нежданной гостью. Острый нос, гордо вскинутый подбородок, струящиеся с головы белые волосы – все в точности совпадало с его описанием. И даже глаза – в этот раз они были красными и слабо светились, словно горящая смола в реке под Калиновым мостом. Она и пахла так же – горьким смоляным дымом.

– Прекрасная Мара! – сглотнув, выдохнул ведун. – Ты вспомнила обо мне? Прости, я не вырезал здесь твоего изображения. Здешные места такие глухие, что путники, мыслю, токмо раз в несколько лет появляются...

– Сказывают, ты захотел превратить меня в простую смертную, ведун? – сурово спросила богиня.

– Я всего лишь захотел всегда быть с тобой рядом, прекраснейшая из богинь.

– Всего лишь! – криво усмехнулась женщина, и платье ее стремительно налилось малиновым жаром. – Когда умрешь, ты будешь со мною рядом всегда!

– Одним из многих? – вскинул брови Олег. – Поклоняться тебе в общей толпе, стелющейся под ногами? Быть рядом бестелесной тенью, не способной ни обнять, ни поцеловать?

Не ощутить холода, не одарить жаром... Нет, не хочу. Хочу владеть тобой из плоти и крови, владеть целиком и полностью, ни с кем этого счастья не деля!

– Ты обезумел, смертный! – Платье побелело, превратившись в плотный комбинезон, и вроде даже покрылось кристалликами инея. Огонь в глазах тоже погас, Мара смотрела на него холодно и зло, одними сплошными бельмами. – Ты говоришь с богиней!

– Я говорю с чудесной женщиной, восхищающей меня своею красотой и умеющей чувствовать и сопереживать, как никто другой.

В бельмах проявились карие круги, следом глаза окрасились черными пушистыми ресницами, от них в стороны побежал чуть смугловатый цвет обычной человеческой кожи, волосы стали каштановыми. Над ними вырос кокошник, а одежда стремительно обратилась в расшитый красными и синими нитями сарафан.

– Ты даже не поинтересовался моими желаниями, самовлюбленный наглец!

– Сперва, прекрасная Мара, я хотел узнать способ, как можно обнять тебя и остаться в живых. А уже потом признаться.

– Неужели ты думаешь, мальчишка, что великая богиня согласится ради тебя стать обычной женщиной?! – презрительно фыркнула гостья.

– Я просто надеюсь на это, властительница Золотого мира.

– Откуда в тебе зародилось столь странное безумие, смертный? – Мара приблизилась к нему почти вплотную, и сарафан на ней обесцветился, потемнел, обратился в серую и блеклую чешуйчатую броню.

– Ты поцеловала меня, богиня. Этот поцелуй был таким невероятным... что я готов пожертвовать всем на свете, лишь бы пережить его снова! И отдать еще больше ради права целовать тебе на закате и рассвете, обнимать днем и ласкать ночью...

– Я поцеловала тебя, ведун Олег... – Мара тихонечко провела пальцем по его щеке, и холодок онемения отметил путь ее прикосновений. – Но пережить моего поцелуя не в силах никто, разве ты забыл? Я поцеловала тебя, и ты умер...

– Твой поцелуй стоил этого, прекрасная Мара!

– Если ты поцелуешь меня снова, мой мальчик, – кончиком пальца она приподняла подбородок ведуна, – я больше не стану тебя воскрешать. Больше того, отныне я не стану откликаться на твой зов. Я лишаю тебя своего покровительства и не стану к тебе приходить, что бы ни случилось!

Ее легкий выдох обжег лицо ведуна, словно ледяная поземка, со всего размаха брошенная ветром в самые глаза.

– Ты хочешь обнять меня и остаться в живых? – богиня отступила, и доспехи обратились в бархат, украшенный чудесным колье. – Мне даже интересно... Однако не надейся, что я сделаю навстречу тебе хоть один шаг!

– Благодарю тебя, чудеснейшая из красавиц, – с улыбкой

склонил голову молодой человек.

– За что? – вскинула черные густые брови богиня смерти. – За то, что я не выказала гнева? Не сомневайся, ты испытаешь его в полной мере! Старый Карнаух со своим любопытством успел распустить слухи о твоей блажи по всему свету. Ответа на вопрос твой он, понятно, так и не нашел... Однако весть о смертном, поставившем себя вровень с богами, многим властителям мира не понравилась. Желают зарвавшегося наглеца проучить.

– Я люблю тебя, прекраснейшая из богинь и богиня среди красавиц! – искренне сказал Середин и сделал шаг вперед, с трудом сдержав желание обнять и поцеловать повелительницу смерти.

– Ты думаешь, я пришла предупредить тебя об опасности? – удивилась Мара, и платье ее стало легким, ситцевым, полупрозрачным и усыпанным алыми цветами, на голове же остался только платок, из-под которого свисала длинная толстая коса.

Ведун лишь улыбнулся, не рискуя согласиться вслух.

– Речи твои, как мед, мой ведун, – опять приблизилась ледяная богиня. – Они ласкают мое сердце и тревожат душу, щекоча в ней что-то забытое и странное. И я никак не пойму, чего желаю больше: смерти твоей или жизни?

Мара оказалась совсем рядом, коснулась ладонью его лица, губ, прошла мимо, задев щекой его щеку, а телом – руку. Щека, конечно же, сразу онемела, а рука отнялась, повиснув

бесчувственной плетью. Ведун повернулся вслед за гостьей – но та уже исчезла, растворившись в морозном воздухе.

– Забудь обо мне! Я больше не приду! – донеслись из пустоты прощальные слова прекрасной богини смерти.

– Разве можно о тебе забыть? – покачал головой Олег. – Только ради тебя я в этот мир и пришел...

И, подтверждая его слова, плеснула рыба в реке, прокатился ветер меж вершин и призывно зачирикали встревоженные птицы.

Ясное небо продержалось над чащобами еще несколько дней, но морозы с каждым днем становились все ядренее и крепче, заставляя жалобно потрескивать деревья, а реки укрывая все более и более толстым ледовым панцирем. Ведун, ежедневно обходя свои снасти и ловушки, больше не встречал промоин ни на реке, ни на старице над бьющими со дна ключами. Прорубаться к раскиданным в омутах вершам становилось с каждым разом все труднее.

Однажды, выглянув на рассвете из своего низкого уютного шалаша, Олег увидел, как с угрюмого низкого неба густо валят крупные снежные хлопья. В этот день, совершая привычный обход, он снял лесные ловушки и выкинул на берег верши, а вечером запек в костре на ужин не пару карасей, а сразу десяток. И на рассвете, взнуздав отдохнувших лошадей, что все это время щипали вдоль берега густую, пусть и замороженную, осоку, поднялся в седло.

Под тяжестью трех выехавших лошадей лед на реке неуве-

ренно затрещал. Однако ведуна это ничуть не обеспокоило. Он знал, что толщина ледяного панциря везде тут никак не меньше трех пальцев, и скакунов такой щит должен держать надежно. Теперь все – до первых весенних оттепелей за дорогу можно не опасаться. Олег вытянул из кармана вороново перо, положил на ладонь.

– Надеюсь, ты не по азимутам работаешь, – шепнул он, – путь удобный выбирать умеешь.

Середин дунул на перо. Оно взвилось ввысь, закружилось, словно в неуверенности, просело перед мордой его скакуна и стремительно порхнуло вверх по реке. Старый Карнаух был мудрым чародеем. Даже перо из его крыла знало, что прямой путь – далеко не самый близкий. Ломиться через буреломы не заставило.

Снег падал и падал, превращая всадника и двух его заводных лошадей в живые сугробы, но ведун упрямо продолжал свой путь – час за часом, размеренным шагом, никуда особо не торопясь, но и времени понапрасну не теряя. Он даже поел, не спешиваясь, прямо в седле, благо два запеченных ввечеру карася были с собой, спрятаны за пазухой.

Перо тоже не знало усталости, успешно петляя между снежинками, летело и летело вперед, минуя одни протоки и сворачивая в другие, иногда очень широкие, а иногда и совсем неказистые. И каждый такой отворот приводил ведуна на все более узкие ручейки. Уже в сумерках самый тощий из них в конце концов растворился среди густого высокого рогоза,

означавшего, что путник попал в болото.

Летом здесь, конечно, было бы тяжело: влажность, навки, грязь, тина, криксы и комары, лихоманка и болотники. Но зимой вся эта нежить спала вместе с кровососами, а потому Олег спешился без колебаний – толстые стебли рогоза были для лошадей хорошей пищей. Перо, словно соглашаясь, сделало круг и опустилось в подставленную ладонь.

Новым днем Олег тронулся в путь только после полудня, позволив скакунам досыта набить брюхо. Вслед за пером путник пробрался через болото и вошел под густой ельник, уходящий круто вверх по склону холма. Ведуну даже пришлось спешиться, ведя лошадей в поводу, и медленно пробираться, огибая толстенные стволы рухнувших то ли от старости и ветхости, то ли от давней бури деревьев. Помучиться пришлось немало, убив на путь в полверсты не меньше трех часов, но дальше природа смиростивилась над гостем. Земля стала ровной, а лес – редким и малорослым. Скорее всего, под снежным одеялом лежало каменистое основание с тонким слоем почвы, разрастись на котором ни ели, ни сосны не могли: корням было не за что цепляться, а влага не задерживалась.

К сумеркам перо привело путника в ложбину с ивняком и осокой, а следующим вечером, миновав еще один редколесый перевал, ведун оказался на берегу очередного болота. Здесь он остановился на два дня, давая лошадям возможность отдохнуть и подкрепиться, а дальше – вслед за пером

выехал на узкий ручеек, который влился в чуть более полноводный, а тот – во вполне приличную протоку. Это означало, что ведун, скорее всего, уже попал в верховья Печоры. Теперь, куда перо ни поверни – ломать ноги на камнях и перевалах более не придется. Путь по рекам будет ровный и спокойный.

Два дня Олег двигался вниз по протокам, которые становились все шире и шире. На третий, когда путник выбрался на довольно широкую, саженой в сто, реку, перо неожиданно повернуло вправо, круто на юг, снова заманивая путника в верховья, но уже по другую сторону водораздела.

Между тем снег все валил и валил, набравшись на льду выше чем по колено. Лошади двигались уже с изрядным трудом, а снегопад и не думал прекращаться. Выручали заросли рогоза, что часто попадались на излучинах или в местах впадения ручьев – высокие стебли не нужно было отрывать из снега, а потому несчастные скакуны набивали брюхо без особого труда. В таких местах ведун и старался остановиться на ночлег, порою переходящий в длинную дневку. Дорога становилась трудной, и если не давать лошадям отдыха – они могли запросто пасть.

Ведун понимал – если снегопад не прекратится, кони вскоре все едино завязнут в сугробах, не в силах пробить себе тропу. Несколько раз он даже пытался разогнать тучи наговорами. Увы, здешняя природа не желала подчиняться его шепоту. А для серьезной ворожбы у Олега не имелось с со-

бой нужных свечей и трав. Как-то не пришло в голову запасть. С одной стороны – менять в пути погоду он не собирался, с другой – выюнков и мать-и-мачехи завсегда несложно собрать прямо возле тропы...

Кто же знал, что зима их столь быстро на такую глубину закопает?

Ну, а колеса дорожного, на которое снегопад «намотать» можно, тут и вовсе верст на триста в любую сторону не сыскать.

Пятый день принес сюрприз – Олег ощутил запах дыма. В здешних безлюдных местах, особенно зимой, это была такая же неожиданность, как ездовой слон на автостраде, а потому ведун натянул поводья, поймал удивленно вернувшееся перо и повел носом, пытаясь определить, откуда доносится столь манящий для усталого путника аромат. Ведь где дым – там и жилье. А где жилье – там теплый дом, баня, мягкая постель. После месяца в седле Олег был готов отдать за все это половину оставшихся денег.

Двигаясь на запах, он свернул с реки, углубился в одну из проток и уже за второй излучиной увидел впереди, над белыми копнами, в которые превратились деревья, опасно уползающую между макушками сизую пелену. Судя по поведению дыма, снегопад должен был закончиться еще очень не скоро. Ведун свернул к берегу, проехал меж двух кустов, облепленных снегом так плотно, что они походили на стену, свернул влево вдоль деревьев, скорее угадывая, чем разли-

чая, тропинку, и наткнулся на несколько островерхих холмиков, из макушек которых и тянулись дымы.

– Вулканы, что ли? – усмехнулся Олег неожиданному сходству, спешил, сразу провалившись почти по пояс, сделал несколько шагов вперед и выбрался на относительно ровную площадку, снега на которой было всего по щиколотку. Громко произнес: – Доброго вам дня, хозяева! Мир вашему дому!

После этого ведун отпустил подпруги седла и чересседельных сумок заводных скакунов, давая лошадям роздых. Снимать седла и узлы пока не стал – мало ли что? Нравы в разных селениях разные. Может статься, уже через минуту придется в седло прыгать и ноги уносить. Потому Середин и рукавицы снял, сунув за пазуху, и саблю на боку проверил, чуть вытянув из ножен и тут же вернув на место: мало ли, примерзла? Точно так же чуть выдернул и тут же вогнал обратно длинный косарь.

Один из холмиков дрогнул, с края посыпался снег. Полог приподнялся, оттуда на четвереньках выполз какой-то человек и несколько раз рьяно ткнулся лбом в снег:

– Мы кланяемся тебе, светлый воин! Мы счастливы видеть тебя, светлый воин! Мы в восторге от случившейся с нами радости! Мы готовы служить могучим богам, хранителям знаний и их воителям. Но ведь время сбора податей еще не пришло, светлый воин? Подарки богам и хранителям знаний еще не готовы, о светлый воин. Смилуйся над жалкими

людишками земными, к часу конца света мы принесем все!

– Встань, смертный, – попросил, поежившись, ведун. – Ты меня с кем-то перепутал. Я, конечно, воин светлый, служу силам добра и сражаюсь со злом, однако никаких податей не собираю. Здесь я просто путник. Еду в верховья Печоры, ищу «Голубиную книгу». Хотел бы немного отдохнуть, согреться и подкрепиться. В бане попариться, коли у вас такая имеется.

– Ты идешь к Ялпингнеру? – приподнял голову человек.

– Куда-а?! – Олег подумал, что ослышался.

– К шаману с белым лицом. Что живет в святилище на горе великанов Маньпупунер.

Лицо человека было круглым, по-старчески морщинистым и желтоватым, глаза чуть раскосыми, черная борода и усы густыми, но короткими и клочковатыми, словно пожеванными. Похоже, происхождение дедок вел от северян. Коли так, то любой русский путник казался ему «человеком с белым лицом».

– Гора великанов? – переспросил Олег. – Похоже, что да. Примета верная. Мне еще далеко?

Повторить названия горы он не смог бы при всем желании.

– Коли небо очистится, а ветер наст вытвердит, то ден за пять до светлой стражи добраться можно. А коли по нынешней погоде, так и до конца света не добраться.

– Что за «конец света»? – поинтересовался ведун.

– Карачун день... – Старик уже почти выпрямился, однако продолжал оставаться на коленях.

– Понятно... – кивнул Олег.

«Карачун день», «конец света», «мертвый день», «день бесов», он же «день зимнего солнцестояния» – все эти прозвища относились к самому короткому дню в году, когда силы тьмы добивались наибольшего успеха в своей вечной борьбе со светом. А потом, известно: «Солнце на лето, зима на мороз».

– Плохая погода, плохая дорога, – покачал головой старик. – Много снега, совсем рыхлый. Лыж не держит, саней не держит. Никуда не уйти. Охотники наши еще третьего дня к ловушкам отправились, никто покуда не вернулся. Кушать нечего, уйти никак, совсем плохо. Шаман рассказывает, великие боги Маньпупунера недруга ждут, пути ему закрывают. Не будет погоды в землях, пока с ворогом не управятся.

– Поднимись же, наконец! – не выдержал Олег. – Тебя как зовут? Погреться пустишь, хозяин, али так и будем под снегом стоять?

– Яныгэква меня уже давно кличут, – ответил, поднимаясь на ноги, старик. – Проходи, светлый воин, в нашу ярангу.

За откинутым Яныгэквой пологом было тихо и сумрачно, и потому ведун вежливо предложил:

– Только после тебя, отец. Меня учитель всегда учил уважать старших.

– У тебя был хороший учитель, – сказал Яныгэква. – Вот

только не похож ты на воина света.

Старик первым нырнул под полог, повернул влево, медленно двигаясь по прохладному коридору между двумя пологами. Ступать приходилось с осторожностью – повсюду лежали мешки и скатки, сани, лыжи, лосиные рога и палки, прочий скарб. Больше всего это напоминало вход в лабиринт... Однако крестик не нагревался – значит, колдовством не пахло. Хотя нормальные люди лабиринтов у себя дома обычно не строят.

Вдвоем они совершили полукруг вдоль внешней стены яранги, и старик повернулся к внутренней, откинул полог, с низким поклоном нырнул под него. В лицо ведуну дохнул жар огня, и Олег понял, что внутри большого разборного дома местные обитатели поставили еще один, поменьше. И здесь, конечно же, было светло и натоплено, впору догола раздеваться.

– Счастливы видеть тебя, светлый воин! – обитатели яранги упали на колени, уткнувшись лбом в шкуры. Все они были одеты в замшевые кухлянки, отороченные меховыми полосками, и замшевые же штаны, скроенные как одно целое с сапогами.

– Я тоже счастлив вас видеть, – кивнул в ответ Олег.

– Мы кланяемся тебе, светлый воин! Мы в восторге от случившейся радости!

– И я в восторге, – уже с раздражением сказал ведун, расстегивая налатник. – Хватит кланяться, вставайте!

– Садись к огню, воин, грейся, – указал на очаг Яныгэ-ва. – Хоромюни, зачерпни чаю для нашего гостя! Сойтынь, посмотри за стеной, может, там осталось хоть чего съедобное? Наш гость с дороги, он устал и проголодался.

Обитатели яранги зашевелились. Мальчишки возрастом на глаз пяти и восьми лет раздвинулись к стенам, уселись там на низких пеньках – видимо, приготовленных для костра, женщина, старательно пригибаясь и пряча лицо, скользнула к выходу. Девочка лет десяти-одиннадцати, сняв со столба, что в центре поддерживал ярангу, ковшик, зачерпнула им варево из кипящего на огне котла, с поклоном протянула Олегу.

При взгляде на ее лицо ведун невольно вздрогнул: оно было страшно изуродовано огромным ожогом, покрывающим щеки, лоб, нос, подбородок. Каким-то чудом уцелели губы и брови, а испуганные глаза окаймляли пышные, как у прекрасной Мары, ресницы.

– О боги, – пробормотал Середин, принимая ковш.

Девочка опустила голову и торопливо отступила.

Олег попытался вспомнить, как можно восстановить кожу при таких ужасных шрамах, но ничего, кроме банальных заговоров на лунный свет или текущую воду, в голову не пришло. Однако для серьезного лечения подобные наговоры слишком слабы. Без размягчающих кожу зелий, компрессов, растираний тут никак не обойтись.

Не глядя, Олег отхлебнул и тут же крякнул, как Карнаух,

отведавший его чая. Опустил взгляд в горьковатый отвар, в котором плавали радужные сальные пятна, и поморщился:

– Что это, Яныгэква?!

– Настой из дубовой коры, светлый воин, с корнем лопуховым и жиром лосиным, – ответил старик. – Для живота зело полезен и голод притупляет.

– У вас чего, и вправду есть нечего? Тут же лес нетронутый кругом! Дичь непугана, рыба нечерпана! Как можно голодать в таких прекрасных землях?

– Коли светлые воины меха по три сорока с яранги требуют – когда на простую охоту мужчинам ходить? – неожиданно высказался с солидностью самый малый из мальчишек.

– Ш-ша! – шикнули на него сразу и девочка, и старик. Но слово не воробей: вылетело – не поймаешь.

Яныгэква сглотнул и торопливо сказал:

– Мы все рады служить воинам света! Они сражаются за добро, они воюют со злом. Они защищают мудрость веков от чужих глаз! Мы с почтением...

– Как же вы зимовать станете без припасов? – перебил его ведун. – Вон, на три дня охотники отлучились, а вы уже зубы на полку кладете. Отвары дубовые пьете.

– Здесь не зимовье, – покачал головой Яныгэква. – Сюда мы на охоту осеннюю откочевали. В зимовье стены толстые, глиной мазанные, очаги большие, пол деревянный. Там припасов в достатке, до весны хватит. Да пути в него ныне нет. Вишь, непогода какая? Как ярангу собрать, как сани дота-

щить, как самим через заносы пробиться? С детьми не дойдем, увязнут. Надобно наста крепкого ждать, по нему ехать.

Олег прикусил губу. Он не первый раз встречался с кочевниками и знал их обычаи. У каждого рода имелось зимовье, в котором люди копили припасы, строили, как умели, прочные теплые дома, а рядом ставили святилища. Летом кочевники туда старались не показываться – чтобы не травить, не загаживать окрестные места, не выбивать там дичь, не трогать дрова. Берегли, в общем. Только нескольких сторожей оставляли за припасами присматривать, а если и заезжали – так чтобы в погреба и амбары добытую дичь положить.

Кочевники бывали разными: скотоводами, идущими от пастбища к пастбищу, охотниками, перебирающимися с угодья на угодье, рыбаками, даже бортниками, что бродили от леса к лесу в поисках меда. Но обычай у всех соблюдался общий: главное стойбище для зимовки, с припасами, и несколько малых, летних – на которых эти припасы добывают. Здешних охотников, судя по всему, перемена погоды застала на одной из летних стоянок, да еще и в неудачный момент.

– Когда наст установится, Яныгэква? – спросил Олег.

– Как снег перестанет, светлый воин, ветер его быстро натрет, накатает. Коли поземка сильная, так день-два – и наст токмо ножом резать можно будет! Даже без лыж стоять сможешь. А уж с лыжами и вовсе хоть бегай, хоть прыгай.

– Выходит, это надолго... – понял ведун и в задумчивости

вылил варево из ковшика обратно в котел.

Повесив ковшик на место, он вылез из внутренней яранги, пробрался через длинный проход с припасами, вышел на улицу. После внутреннего тепла лицо хлестнуло морозом, падающие с неба снежинки мигом нырнули за ворот. Ведун поймал несколько на ладонь, слизнул и направился к лошадям. Расседлал, снял сумки, отпустил скакунов к кустам щипать тонкие ивовые ветки. Взял мешок, опять долгим узким лазом пробрался в ярангу, развязал веревку и поставил перед стариком:

– Вот, берите. У меня еще есть. Охотиться я умею, едоков других не держу. Не пропаду, в общем. Вам нужнее.

Мешок повалился набок, и на шкуры серебряной струей потекли рыбные тушки, сверкающие ледяной глазурью.

Девочка жалобно вскрикнула: «Ворпупыг!» – и торопливо попятилась к мальчишкам.

Те, хищно сверкнув глазами, обнажили белые костяные ножи. Яныгэква тоже испуганно охнул и во весь голос закричал:

– Сойтынь!!! Зови Тарагупту-шамана! Скорее! К нам пробрался Самсайока!

– Теперь-то вам что не так, старый ты хрен? – устало развел руками Олег.

– Ты Самсайока! – обличающе вытянул к нему палец Яныгэква. – Демон с плачущими глазами из нижнего мира! Ты забираешь всех, принявших твои подарки, в мир смерти

Кульотыру! Сгинь, сгинь, демон! Мы не боимся тебя! Мы не примем твоих даров!

– Опаньки... – ведун схватился за запястье, на котором стремительно нагревался крестик. – Похоже, это шаман?

Почти сразу взметнулся полог, во внутреннюю ярангу заскокил еще один старик, морщинистый и бородатый, как Яныгэква, но не седой, а черноволосый, одетый в коричневую малицу, расшитую множеством странных путаных знаков и рун. Он поспешно водрузил на голову шапку с тонкими ветвистыми рожками, меж которыми тянулись нити с кисточками и цветными узелками, и тут же метнул в сторону Олега какой-то порошок, похожий на золу, громко выкрикнул:

– Огнем, пером и костью заклинаю тебя, дух!

Крест на запястье Середина полыхнул огнем, предупреждая о присутствии сильной чужеродной магии, и ведун, вскрикнув от боли, широко развел руки:

– Встань, забор булатный, от земли до неба, от чернеца и черницы, от колдуна и колдуницы, от сглаза, от порчи...

– Предков твоих призываю, дух нижнего мира! Именем Кульотыру угрюмого, именем Хонторума могучего, именем Агипури кровавой отсылаю тебя к хозяевам твоим!

Из кармана ведуна выскользнуло подаренное Карнаухом перо и стремительной черточкой метнулось к дымному дыху.

– Стой, куда! – попытался прихлопнуть его ладонями

Олег, но не успел. – Вот проклятие!

– Подожди... Так ты шаман? – оборвав заклинание, спросил его Тарагупту.

– От шамана слышу! – зло ответил ведун. – Путеводное перо из-за тебя потерял!

– Так ты человек?

– А что, не видно?

– Он подарил нам целый мешок рыбы, Тарагупту! – вскочил Яныгэква. – Когда такое бывало, чтобы воин света не отнимал, а дарил?! Это точно Самсайока!

– Тихо все! – потребовал шаман, пошарил ладонями по своей малице, нащупал нашитый на груди кожаный лоскут с вышивкой, рывком сорвал и протянул ведуну: – Вот, возьми. Если ты человеческого рода, приложи это к своей груди!

– Что это? – Середин специально взял амулет левой рукой, чтобы тот оказался ближе к освященному крестику. Маленькое серебряное распятие слегка нагрелось, но не сильно. Значит, магия амулета была совсем слабой.

– Родовой знак нашего племени. Если ты не нашей крови, он тебя сожжет!

Олег только рассмеялся и спокойно приложил тряпицу к своей груди. Он отлично знал, что подобные амулеты никого не убивают. Наоборот, они призывают покровительство тех или иных радуниц. Чужаку от подобного знака ни тепло, ни холодно. Радуницы чужака не признают, однако и вреда не причинят.

По яранге тем не менее прокатился вздох облегчения. Видимо, здешнее племя и вправду верило, что их амулеты истребляют любого чужака.

– Ты шаман, – повторил черноволосый Тарагупту. – Коли так, ты должен гостить не у старого Яныгэквы, а у меня. К тому же здесь слишком тесно. Пойдем.

После случившегося внезапного представления ведун спорить не стал – мало ли чего еще здешним детишкам и старику примерещится? Выбрался вслед за шаманом в промежуток между колышущимися стенами, повернул налево. К его удивлению, на улицу мужчина не полез, нырнул в какой-то низкий лаз в стене и стал пробираться там, настолько сильно согнувшись, что уж проще было идти на четвереньках. Десяток шагов – и они оказались в соседней яранге. Однако и здесь шаман прошел округ внутренней выгородки, опять нырнул в лаз и только в третьей яранге повернул к середине, к очагу.

Теплый, застеленный лосиными шкурами прямоугольник имел размеры примерно пять на шесть шагов – но, кроме стоявшей на коленях перед очагом женщины, здесь никого не было, и потому жилище показалось вдвое просторнее, нежели предыдущее.

Вдоль стен были развешаны каркасы из ветвей, перевязанные разноцветными веревками, местами болтались пучки трав, несколько деревянных масок. У центральных столбов, которых тут имелось целых два, стояли два копьа с костью

ными наконечниками, снизу лежал топор из зеленого нефрита и несколько скрученных шкур. А напротив входа висел огромный, в половину человеческого роста, бубен, расписанный крохотными фигурками зверей, людей и еще каких-то существ.

– Это у тебя смертные изображены или... – в этот момент женщина поднялась, и ведун осекся: ее лицо было волосатым!

– Найэква, сходи к милой Сайтынь, помоги ей приготовить обед и принеси сюда миску для нас двоих... Но сначала принеси травяного отвара. Наш гость, мыслю, так и не попил с дороги.

Хозяйка яранги молча кивнула, вышла за полог.

– Что с ней? – сглотнув, спросил Олег.

– А что с ней? – удивленно приподнял брови шаман Тарагупту.

– У нее на лице... Волосы!

– Таковы все женщины нашего племени, – пожал плечами шаман. – После того как они теряют невинность, у них на лице начинает расти красивая шелковистая шерстка. Разве они не прекрасны, воин добра?

– Да, красивы... Своеобразно... – выдавил из себя похвалу ушедшей хозяйке ведун.

– Садись к огню, светлый воин, грейся, отдыхай, – предложил Тарагупту. – Коли ты шаман по судьбе своей, то и гостить тебе надлежит у шамана. Кто тебя лучше меня поймет?

Кто спать рядом не побоится? Кто от духов твоих стойбище наше обережет?

С этими тягучими, убаюкивающими разговорами хозяин снял со стены бубен, покачал его, что-то тихо напевая, а потом неожиданно ударил раскрытой ладонью. Яранга вздрогнула от низкого гула, примотанный к запястью крестик мгновенно нагрелся – но не до боли, и потому ведун ничего говорить не стал. Сел у самого очага, подтянув под себя ноги, выставил вперед ладони. В очаге синий невысокий огонек приплясывал над сложенными кучкой осиновыми ветками в руку толщиной и такой же, в руку, длины. Костер не самый жаркий – но достаточный, чтобы уже протопленное жилище не выстывало.

– Скажи, шаман, почему все здесь называют меня «светлым воином»? – спросил Олег.

– У тебя железное оружие, одежда странного покроя, ты бел лицом, – ответил Тарагупту и опять ударил в бубен. – Воины, что охраняют святилище шамана с белым лицом на горе великанов, очень похожи на тебя.

– Но почему тогда меня испугались дети и старый Яныгэква?

– Воины святилища служат силам добра и сражаются против зла. – По яранге опять прокатился низкий гул. – Для этого им нужны красивые одежды, много сытного мяса и ягод, дрова для очагов, хорошие меха. Светлые воины собирают это с жителей лесов, наложив тяжкие уроки на каждую се-

мью. Тех, кто не собирает положенную дань, сурово наказывают. Могут покалечить детей или женщин, могут убить родителей, а могут, хуже того, выследить зимовье, прийти и забрать все собранные припасы. Без припасов вымирает весь род, одной охотой зимой не выжить. Когда ты не стал требовать еды, а поделился своей, тебя приняли за демона. Светлые воины так себя не ведут.

– Вот проклятие! – по спине Середина пробежал неприятный холодок. – Почему же вы тогда отсюда не уйдете?!

– Куда, светлый воин? – шаман опять ударил в бубен. – На юге, за Маньпупунером, земли пустые, безлесье, там не выжить. На закате князья болгарские, злобные. То меж собой дерутся, то на соседей в набеги ходят. Они, коли данью обложат, за недоимки руки и ноги детям отрубают и родителям на кормление калек оставляют. Слуги Ялпингнера карают куда милосерднее. На север пойти – там пермяки и люди чердынские дань требуют и на места удобные не пускают. На востоке угожья охотничьи меж иными родами давно поделены, садиться некуда. Не воевать же с сородичами, пусть и давними?

– Этим летом я гостевал у болгар. Они не похожи на людей, которые калечат детей за недоимки родителей!

– Те, что не калечат, те отнимают и в дальние края в рабство продают.

Ведун прикусил губу. В зверствах болгар он сильно сомневался, подобными слухами «светлые воины» могли просто

запугивать местных данников – дабы те не сбежали. Но вот в малолетних рабов верил легко, таких за время путешествий повидал немало.

В ярангу вернулась женщина, опустилась на колени, протянула Олегу деревянную миску с уже знакомым отваром. Теперь, уже зная, что увидит, Середин не испугался, внимательно глянул на лицо хозяйки. Оно было полностью покрыто короткой рыжей шерсткой, очень похожей на беличью. Чистыми оставались только розовые губы и глаза с гладкими веками. Судя по ним, жена шамана была еще довольно молода.

Гулкий удар бубна заставил гостя вздрогнуть, принять чашку. Ведун с сомнением посмотрел на варево, и Тарагупту подбодрил:

– Пей, не сомневайся. И для желудка полезно, и для кожи, и для зубов. Коли таких отваров зимой не пить, вскорости зубы качаться начинают, волосы выпадать и десны кровь точить... – Шаман забрал у него плошку, сделал несколько глотков, вернул: – Пей, не сомневайся. Коли привыкнешь, еще и вкусным казаться будет.

Середин смирился, пригубил угощение, покатал немного отвара по языку, сморщился от горечи, сглотнул. Шаман торжественно ударил в бубен, опять заставив крестик нагреться.

– Что ты в него колотишь, Тарагупту? – поморщился ведун. – У тебя свое чародейство, у меня свое. Зачем ты их сталкиваешь? Коли ты боишься, что я причиню вред ваше-

му стойбищу, возьми с меня крепкую клятву, отложи бубен и садись к огню.

— Я разговариваю с духами, светлый воин, — полуприкрыв глаза, ответил шаман. — А они разговаривают со мной...

— И что они говорят?

— Духи сказывают, ты и есть тот смертный, что гордыней своей вызвал гнев богов Маньпупунера, — распевно ответил Тарагупту. — Это тебя они не хотят допустить к горе великанов и перед тобой заматают все дороги. Это твоей смерти они желают и тебя ждут, чтобы уничтожить.

Ведун облизнул мгновенно пересохшие губы, опустил левую руку к рукояти косаря, правой поднес к губам чашу, сделал большой глоток и с напускным безразличием спросил:

— И что ты собираешься делать?

— Мы накормим тебя досыта, мы положим тебя у самого огня, дабы ты хорошенько выспался и набрался сил, дадим тебе новую малицу и теплые штаны, дадим тебе сани и лыжи в обмен на лошадей, которым здесь все равно не выжить, и дороги зимней не протропить. Мы закоптим для тебя рыбы, дабы ты не умер с голоду, коли не сможешь развести костер, и нальем с собой отвара от выпадения зубов. Наши женщины выполнят любые твои желания, коли они у тебя имеются. Завтра я укажу тебе дорогу и провожу в путь.

— Какая доброта, — удивился ведун. — Гнева богов не боитесь?

— Это не наши боги, — пожал плечами шаман. — Мы ве-

дем свой род от храбрых росамах, наши покровители – это духи лесов, оврагов и рек. Наши мертвые в нижнем мире, а наши враги таятся в темноте буреломов. Нам нет дела до ваших ссор и правил, до вашей мудрости, вашего добра и зла, как вам нет дела до наших духов. Вы куете железо и пашете землю, вы строите города и пишете книги. Мы охотимся и ловим рыбу, следуя тайными тропами и реками вслед за зверьем или нерестилищами. Кабы светлые воины не были столь сильны и жестоки, чтобы заставить нас платить дань, вы бы жили своим миром, а мы своим, лишь изредка встречаясь на торгах или лесных опушках. Ваши боги – это боги большого мира. Наши духи обитают в своих урочищах и омутах. Они всегда с нами, рядом, наши помощники и покровители, а иногда и недруги. Ваши боги слишком велики, чтобы помнить о каждом, и мало кому из смертных удастся до них докричаться. Мы знаем о них, но не видим смысла приносить им требы, ибо не ждем от них помощи. Они же нас и вовсе не замечают. Чего нам их бояться?

– И все же, вы о них знаете и знаете, что боги меня ищут...

– Не мы знаем – духи знают. Они оказались слишком слабы, чтобы остановить смертельный снегопад. Они столкнулись с волей больших богов и выведали, почему те замечают дороги. Духи хитры и пронырливы. Даже самый могучий воин не способен справиться с быстрой и ловкой мухой. Не всегда и не везде сила побеждает находчивость.

– Ты говоришь мне о безразличии, Тарагупту, – усмехнул-

ся ведун. – Однако обещаешь заботливость, словно печешься о близком друге или родственнике.

– Снег убивает нас, светлый воин. Скоро его насыплет по грудь, а непогода все не утихает. Еще немного, и олени будут не в силах докопаться сквозь толщу сугробов до травы, станут голодать и умирать. Коли олени, зайцы, лоси падут, на кого нам охотиться? Что будет есть наш род новым летом? Как нам и им передвигаться, если снега станет еще хоть немного больше? В нем завязнут все. Зверь не сможет ни охотиться, ни ходить от выпаса к выпасу. Никто из смертных этого еще не понял, но ведь мы шаманы, мы умеем смотреть дальше остальных.

– Ты знаешь, как это остановить?

– Завтра ты пойдешь к горе великанов. Когда боги увидят тебя, то сразу уничтожат. Когда ты умрешь, они успокоятся и разгонят тучи. Ветер уплотнит наст, и звери смогут выйти на охоту и на выпас, охотники вернутся к стойбищу, наш род наконец-то снимется со стоянки и уйдет в зимовье. И тогда всем станет хорошо.

– Ты так спокойно об этом говоришь, Тарагупту... – невольно поежился ведун.

– Ты ведь знал, на что идешь, светлый воин, – пожал плечами шаман. – Разве напоминание о близкой смерти остановит тебя на выбранном пути?

– Вообще-то, я ожидал немного другого, – признался Середин и решительно осушил миску с ядовито-горьким отва-

ром. – Но ты прав. Смерть меня не остановит.

– Ты получишь для нее все нужное, – пообещал Тарагупту. – Отдыхай. На тебе знак нашего рода. Духи приняли тебя под свою защиту, тебе не о чем беспокоиться...

Шаман сдержал обещание. Середина накормили от пуза и вечером, и утром, дали с собой десяток копченых рыб, упаковав три штуки отдельно, в плоский мешочек. Так их было удобнее держать на теле, под одеждой – чтобы были теплыми, когда проголодается. Вместо русских, коротких сапог выдали меховые, высокие, почти до паха, и на завязках. Просторную малицу с капюшоном посоветовали надеть просто поверх прежней одежды, для пущего тепла. Чересседельные сумки и узлы шаман умело увязал на низких санях с массивными полозьями, выдал широкие, в две ладони, лыжи и гарпун с зазубренным костяным наконечником – не столько как оружие, сколько как палку для опоры.

– Доброго тебе пути, светлый воин, – Тарагупту помог закрепить на плечах и груди упряжь, соединенную двухсаженными постромками с санями. – Духи рода храброй росомахи выются над тобой и помогут, насколько хватит их сил. Прощай!

– Прощай, шаман! – кивнул в ответ ведун. – Пусть удача навсегда поселится в твоей яранге.

– Когда умрешь, можешь возвращаться, – предложил Тарагупту. – Нашему роду пригодятся сильные духи-покровители.

– Не обещаю, шаман. Как повезет. Ладно, пошел... – кивнул Середин и двинулся в сторону реки.

Местные жители были правы: путешествовать по свежему снегу оказалось сущим адом. Даже широкие охотничьи лыжи проваливались в рыхлый, не успевший слежаться снег почти по колено, сани же ползли на брюхе: полозья не держали их совершенно. А крупные белые хлопья все падали и падали с сумрачного неба и, пожалуй, уже сейчас могли бы укрыть человека выше плеч, вынь он ступни из немудреных лыжных креплений. Но все же, пусть и медленно – идти получалось. За пару часов ведун выбрался из протоки на русло Печоры и повернул на юг, стараясь держаться ближе к берегу. Здесь снегопад был чуть слабее – часть хлопьев застревала в кронах.

С каждым шагом ноги проваливались, для древка гарпуна опоры не было, и приходилось нести его двумя руками. Лямки тяжело оттягивали плечи, и, чтобы волочить сани, нужно было сильно наклоняться вперед – но Олег упрямо делал шаг за шагом, и потихоньку тело стало привыкать, приспособливаться. Ведун приноровился не поднимать лыжи целиком, а только вздергивать их носик и толкать, чтобы полозья заскальзывали на целину, покачивал гарпуном из стороны в сторону, поддерживая равновесие, наваливался на лямки всем весом перед шагом, а не после, и потому не откачивался назад, теряя равновесие. И вскоре пошел уже спокойно и размеренно. Пусть не так быстро, как человек налегке, – но

больше чем вдвое обычному пешеходу в скорости не уступал. То есть верст десять за день одолеть можно. Не бог весть сколько – но до святилища оставалось никак не больше ста. Дней десять пути. Аккурат к карачунову дню...

Вверх по реке Олег шагал, пока не начало смеркаться. Вечером, как советовал Тарагупту, остановился, поел рыбы, пока еще можно было в сумерках различить косточки, потом снова двинулся вперед, в темноту, пока доставало сил. Заблудиться ведун не боялся – куда путнику с реки деться? Прибрежные заросли завсегда на верную дорогу подправят.

Устав, Середин снова сделал так, как советовал шаман: отступил к саням, снял лыжи, накинул на голову капюшон, стянув завязки вокруг лица, и плашмя упал в снег, глубоко в него провалившись. Подтянул лыжи, сдвинул наверху над головой, чтобы не засыпало, и закрыл глаза.

Постель оказалась теплой, уютной и рыхлой, как перина – ведун выпался на диво сладко. На рассвете он обнаружил, что засыпан в своей яме свежим снегом почти на две ладони, выбрался на лыжи и сразу двинулся дальше, благо на ночь даже лямок с себя не снимал.

На обед он остановился только около полудня, доев теплую рыбу из-за пазухи. Сунул к себе на грудь взамен несколько пухлых коричневых тушек из мерзлого заснеженного мешка с саней – и опять двинулся вдаль, шаг за шагом, сажень за саженью, верста за верстой.

Впереди, в снежной кружащейся пелене, показалось что-

то белое и высокое. Очень высокое.

– Никак гора? – вслух удивился Олег. – Неужели так скоро? – Он поднял руку в пухлой рукавице, прикрывая глаза от падающих сверху хлопьев, прищурился. – Что за?..

Гора двигалась! Она смещалась то вправо, то влево, показывалась на месте, словно в медленном танце.

«Надеюсь, это не один из великанов? – Середин отер лицо. – Завалить такую махину будет непросто... Тут и заклятие Сварога не поможет...»

И вдруг гора рванулась прямо к нему, накатываясь со скоростью падающего «Боинга». Послышался громкий стремительный вой и свист, снегопад разметался в стороны – Олег увидел перед собой огромный белый вихрь и, не успев даже охнуть, получил сильнейший удар спереди по всему телу. Его швырнуло к лесу и дернуло вверх. Постромки на миг задержали движение – но смерч тут же сорвал с места и сани, сматывая в одно целое с путником, утягивая в небеса, облепляя сугробами, хорошенько раскрутил – и швырнул куда-то вдаль, подобно огромному снежку, пущенному великаном.

В наступившей невесомости Середин попытался освободиться от постромков. Но тут в него с размаху ударил уже весь земной мир – и Олега окружила темнота...

* * *

Полная, абсолютная тишина, темнота, отсутствие тепла и

холода, невесомость, неподвижность. Небытие... Небытие, полное страшной боли во всем теле и удушья, рвущего легкие.

Мысль о том, что такой отныне и станет его вечность, заставила молодого человека дернуться – и тут же закричать от нестерпимой боли. Крик ударил по ушам, голова с легким похрустыванием качнулась назад, острейшая резь пронзила все тело от головы до пят – и ведун горько рассмеялся:

– Если вы проснулись и у вас ничего не болит, значит, вы умерли...

Мысль о том, что он еще жив, Середина приободрила. Он еще раз откинул голову, потом с силой ударил вперед, покачал плечами, подергал руками, чуть согнул и разогнул ноги. Мир вокруг поддался, стал слегка расступаться в тех местах, куда приходились толчки... Впрочем, судя по прохладе, которую ощутил лоб, мир вокруг был отнюдь не вселенским небытием, а просто снегом. Похоже, смерч поднял путника, жахнул о землю и засыпал сверху всем, что прихватил по дороге.

– Надо мной, наверное, этого снега целая гора! – произнес Олег, разгоняя безмолвие. – Странно, что не раздавило. И не задохнулся. По совести, я уже давно достоин золоченой чаши, которую приносит павшим прекрасная богиня Мара...

Сказал – и вспомнил слова своей неповторимой избранницы. Богиня пообещала, что больше никогда не придет на его зов. А если так, то даже переломай он все кости, задох-

нись и будь раздавлен – смертной чаши ему не видать.

– У меня есть для тебя два известия, Олежка, – опять в голос произнес ведун. – Одно хорошее и одно плохое. Хорошее в том, что здесь ты не умрешь. А плохое в том, что ты не умрешь, даже если не сможешь выбраться, и останешься погребенным заживо навсегда.

Это известие заставило Середина снова забрыкаться, сминая и утрамбовывая окружающий снег. Вскоре вокруг образовалась полость уже вполне изрядных размеров, после чего дело застопорилось: уплотнившаяся корка ударам больше не поддавалась. Впрочем, руки к этому времени успели освободиться вполне достаточно, чтобы нащупать и вытянуть из ножен косарь. Перед клинком снег устоять не смог – Олег стал резать его ломтями, расчищая место вокруг груди, распахивая получившиеся куски к ногам и вниз.

Низ, по воле смерча, оказался у путника под левым боком.

Отвоевав еще немного свободного пространства, Середин скинул с плеч упряжь, после чего подтянул ноги и, борясь с болью, стал прорезать и пробивать лаз в сторону и вверх под острым углом.

Сколько ушло времени на работу – он не знал. Может, час, а может, и несколько дней. Замурованный в снежной горе ведун оказался наедине с вечностью. И только когда после очередного удара ножом вперед в конце норы блеснули звезды, молодой человек неожиданно понял, что смертельно устал, а еще сильнее – голоден.

Присев на краю норы, на высоте примерно трех саженей над лесом, Олег достал из-за пазухи рыбешки. Не торопясь съел, благо после недавнего смертного мрака даже звездный свет казался ярким. Отер ладони о наст и забрался обратно в нору, в которой было куда теплее.

Еще два дня у него ушло на выкапывание саней. Дело оказалось муторным: сперва найти их по длинным постромкам, потом обкопать и утрамбовать вокруг достаточно большую пещеру, разобрать вещи...

Сани смерч изрядно переломал – полопались и полозя, и борта, вывало и унесло мешок с запасной одеждой и кошмой для сна, попоной и прочими обиходными мелочами, изрядной частью провианта, собранными в пути немудреными заготовками для колдовских зелий. Зато уцелел заплечный мешок с котелком, кольчугой, деньгами и зеркалом, мешочек с вяленным мясом и две замороженные заячьи тушки.

«Ну, теперь не пропаду», – решил ведун, складывая спасенные вещи в заплечный мешок, а набив под завязку – полез из своей горы.

Отправляться в путь Середин не торопился. Тело по-прежнему болело каждой косточкой, желудок чуть не прилип к спине от голода, во рту давно пересохло. Да и лыжи смерч куда-то унес – а как обойтись без них, Олег еще не придумал. Наверное, придется плести из подручных веток широкие «снегоступы». Или попытаться приспособить

на ноги обломки от полозьев нарт.

– Какие чудесные запахи разносятся по лесу от сего места! – со стороны горы мерно закрипел снег, над краем укрытия появился дряхлый старик, седобородый и сгорбившийся, с бледным лицом и бесцветными глазами, одетый в коричневые лохмотья. Правда, ветхого тряпья было много, толстый неровный слой обнимал все тело – рубище свое старик носил в зимнем, утепленном варианте. На голове гостя сидела поеденная молю лисья шапка, руками он опирался на высокий посох из жилистого соснового корня. – Дозволь, мил человек, у костра погреться?

Крестик на запястье ведуна моментально нагрелся, пламя костра слегка присело, словно в испуге, окрест затих ветер. Однако Олег, чуть пожав плечами, кивнул:

– Садись, сделай милость. Места в достатке. Коли время есть, так и ужином угощу. Вода сейчас закипит, мяса наварим.

Старик, обойдя укрытие, оперся на дно ямы посохом, неуклюже спустился вниз. Середин длинным косарем вырубил в стене несколько кубиков, отбросил наружу, указал гостю на получившуюся ступеньку:

– Садись сюда с размаху. Снег примнется, сиденье как раз по телу получится.

– Благодарствую, мил человек, – старик последовал совету, зажал посох между коленями, протянул ладони к огню.

– Коли голоден, отец, могу зайчатины настрогать, – пред-

ложил Олег. — Чтобы не ждать, пока сварится.

— Мне не к спеху, сын мой, — сказал гость. — Коли не погонишь, так и подожду...

Крест отчаянно пульсировал теплом, аккуратные лохмотья, ровные и чистые, розовели от света костра, бледные глаза незнакомца немигающе смотрели в пламя. По всем признакам — нежить. Но нежить — она холоднокровная, зимой спит.

Тогда кто?

— Хорошее здесь место, отец... — ведун поворошил палкой дрова в костре. — Тихое, спокойное. До ближайшего жилья верст этак двести будет. Ни стежек, ни дорожек никем не протоптано, а уж в чаще живой души и вовсе не сыскать. Уютные края, нетронутые. Приятно встретить здесь случайного прохожего, с коим можно словом перемолвиться длинными зимними сумерками. Тебя как звать-то, отец? О чем беседу завести желаешь?

— Стало быть, каликой перехожим мне назваться не получится? — криво усмехнулся старик.

— Ты бы хоть охотником здешним прикинулся, что ли, — посоветовал Середин. — А то в путника случайного здесь поверить как-то трудно. Да еще чтоб без котомки за спиной...

— Странно... — старик встал, стащил с головы шапку и зашвырнул в лес. — Раньше все всегда верили.

Шапка, сделав по снегу несколько кувырков, развернулась и помчалась в чащу, замечая следы пушистым рыжим хво-

стом. Гость сел обратно в снежное кресло – но уже развернув широкие плечи. Лохмотья обернулись курткой, украшенной тремя рядами горностаевых и соболиных хвостов, и пухлыми кожаными штанами, заправленными в вышитые валенки. Ладони старика стали мясистыми и широкими, розоватыми. Прежними остались только посох, словно слепленный из коротких костей с суставами, седая борода да белая кожа на лице.

– Зачем же морок на людей напускать? Может, проще сразу имя истинное назвать?

– Когда сказываешь смертным, что к ним Карачун пришел, – густым низким басом ответил гость, – они на сие зело странно реагируют.

– У смертных даже есть про тебя особая присказка, – улыбнулся Середин. – Так ты поделишь со мной трапезу али тебя в чертогах личных пир богатый ждет?

– Отчего не разделить? – пожал плечами Карачун. – Некогда мне ныне по чертогам прохлаждаться.хлопот много.

– Вот и славно. Одному тоже скучно. Недолго и одичать, – ведун еще раз помешал угли, подбросил в огонь сучьев.

– Что ты морщишься так, мил человек? – поинтересовался гость.

– Да кости чего-то разболелись... – скривился Олег.

– Странно, что вообще ходишь, ведун...

Старик полез за пазуху, достал маленький замшевый мешочек, отпустил узелок, протянул руку и высыпал все содер-

жимое в котелок, в котором как раз начала закипать вода.

– Что это? – настороженно поинтересовался молодой человек.

– Трава бессмертия.

– Омела?

– Омела, черная соль, рог индрика, панты первогодка, чешуя гадюки, слюна жабы и заговор исцеления, сотворенный пречистой Даной в утро весеннего равноденствия на руках Макоши и Велеса, – Карачун спрятал мешочек обратно. – Не знаю, к чему нужны слюна с чешуей, но трава и соль делают любое угощение зело чище, а сотворенный богами заговор исцеляет любые раны.

– Так это приправа или лекарство?

– Коли цел, то первое. А коли поломан весь, то второе. Тебе сейчас что интереснее?

– Мне интересно, кто меня так на Печоре приветил, – Олег, примерившись, порубил заячью тушку на четыре куса, один за другим отправил их в котелок. – Первый раз в жизни встречаю смерч среди зимы. Да еще таковой, что именно меня дождался, сгреб, поломал да в неведомые леса забросил. Насколько я помню, зима – это время Карачуна, черного бога мрака, смерти и холода?

– Со смертью мои возможности сильно преувеличены, смертный, – Карачун задумчиво пристукнул посохом о землю. – Нашлась богиня, что под себя всю силу сию подгрести сумела. Однако же с зимой ты прав, вся она суть моя вотчи-

на.

– Значит, смерч был приветом именно от тебя? – поднял глаза на черного бога ведун.

– Ветра не смерть, ими повелевают многие, – пожал плечами бог. – Ветер и Похвист поднять способен, и Стрибог, и Немиза, и Перун, и сам Сварог. Даже Догода беспечный, несмотря на юность, чуток этой силы себе урвал! И из них из всех токмо Похвисту веселому ты симпатичен. Он за тебя заступался.

– С Похвистом мы подружились, было дело, – признал ведун. – Чем же я всех прочих разгневал так, Карачун?

Гость громко хмыкнул:

– Видано ли дело, чтобы букашка смертная, однодневка-мотылек равной богам себя возомнила, на любовь древней властительницы покусилась! Ты захотел сделать богиню смерти своей женой, словно простую женщину. Полагаешь, равные ей вседержители не сочтут себя оскорбленными?

– Что им за дело? – повел плечом Олег. – Разве это не только ее выбор?

– Ты так наивен или смеешься надо мной, смертный? – прищурился на него старик, пригладив седую бороду. – Разве среди вас, смертных, невеста на выданье не спрашивает разрешения родителей? Разве не беспокоятся за нее братья? Разве не пытаются помешать, коли сочтут выбор ошибкой, разве не прогонят нищего приبلуду, что покусится на честь и достоинство родственницы?

– Небесно-восхитительная Мара, Карачун, уже давно не глупая девочка, чтобы искать чужого разрешения для своих поступков.

– «Небесно-восхитительная», – расплылся в широкой ухмылке властитель мрака. – Я понимаю, отчего госпожа так любит слушать твои молитвы. Обычно ее проклинаят и отпугивают, величают свирепой и неумолимой, мрачной и ледяной. Мыслию, ты стал ее первой отдушиной за много, много веков. Чтобы слушать тебя и дальше, она способна совершить глупость...

– Что ты называешь глупостью, Карачун?! – ведун скрипнул зубами и опустил ладонь на рукоять сабли.

Гость ухмыльнулся, подул на его оружие и предложил:

– Достань!

Середин рванул рукоять – но она не сдвинулась ни на волосок. Клинок намертво вмерз в ножны.

– Ты затеял войну с богами, жалкий смертный, – покачал головой старик. – Неужели ты надеешься победить?

– Я не привык сдаваться, Карачун!

– Знаю, знаю, храбрец, – брезгливо поморщился властелин мрака. – Но ведь сказывали, ты еще и умен?

– Ты пришел меня запугать?

– А если подумать еще?

В этот раз Середин торопиться с ответом не стал, в задумчивости перевел взгляд на костер, на котел над ним, уже начавший пахнуть мясом и едкой Карачуновой приправой.

А ведь бог зимы и мрака принес ему лекарство! Почему?..

И тут ведуна осенило:

– Если прекрасная Мара уйдет со мной, став смертной женщиной, власть над смертью перейдет к тебе, хозяин мрака и холода! – он поднял голову. – Ты станешь много сильнее, нежели сейчас. Сильнейшим среди богов!

– Кричать о сем не надобно, – тихо посоветовал старик. – Дичь распугаешь.

– Для меня найдутся еще покровители среди богов?

– Нет, смертный. Но не все враждебны к тебе одинаково. Велес с Макошью отнеслись к слухам сим с безразличием. С высоты их могущества нет большой разницы меж тобой и Перуном. Для Сварога что ты, что Мара или Хорс – равно его потомки, посему он тоже особо не гневался. Любовь меж детьми его ему приятнее злобы. Лада только повеселилась. Ей страсть как захотелось увидеть, как мрачная ледяная богиня станет кланяться ей за благополучие в семье. Полель, наоборот, окрылся на то, что без воли его любовь столь громкая случилась. Похвист за тебя, ведун, Лед тоже отчаянностью твоей восхитился. Но станут ли они вступаться, не знаю. Троян снисходить до борьбы со смертным одиноким побрезговал – то для тебя удача. Хорс и Даждбог тоже отмахнулись. Превыше прочих Перун, Ярило, Магура возмутились. И наглостью твоей поражены, и богини смерти лишиться не желают, и к порядкам заведенным привыкли. А они, смертный, боги-воители, в одиночку армии целые по-

беждают. Стрибог тоже смерти твоей жаждал. Они с Похвистом завсегда по разные стороны в деле любом расходятся.

– Четверо, – загнул пальцы Середин.

– Четверо богов! – напомнил Карачун. – А с ними Додола и Параскева, Семаргл и Белбог, Доброгост и Древобог... Ты задумал разрушить привычные устои мира, а это мало кому понравится. Против Мары выступить никто из богов не рискнет, а супротив тебя – с легкостью.

– Неужто положиться вовсе не на кого!

– Чуру ты по душе. Видать, часто ты ему в странствиях кланялся. Но он бог межи и домашнего очага, силы у него немного. Богиня ночи Среча, подруга Мары, тоже вредить не станет. Вот и вся твоя надежда, ведун.

– Хорошо... – Середин потыкал ножом мясо в котле.

– Чего же хорошего, смертный?

– Хорошо, что скоро мясо сварится, – ведун откинулся на снежную стенку убежища. – Скажи лучше, Карачун, как можно остаться в живых, обняв ненаглядную Мару?

– Остаться в живых, обняв богиню смерти?! – Владыка мрака расхохотался. – Да за такую тайну любой из богов тебя сразу побратимом нарек бы и половину своей силы отдал! Уцелеть в руках богини смерти... Этот секрет неведом никому под земным небом. Может статься, хотя бы тебя «Голубиная книга» сочтет достойным ответа на этот вопрос? Тогда ты воистину станешь равным владыкам мира. Вот только не пропустят тебя боги к святилищу на горе великанов. О том

Стрибог, Перун и Ярило еще месяц тому назад сговорились. Ныне Стрибог сторожит, он тебя и заметил. Понравилось?

– Я еще жив!

– Каждый из богов во первую голову пользуется той силой, что досталась ему при дележе мира. Стрибог владеет ветрами, вот смерчем тебя и встретил. Перун с Ярилом владеют мечами. Остаться живым с отрубленной головой, смертный, куда хуже, чем умереть.

– Разве Перун не бог грозы, а Ярило не бог весны?

– Где ты видел зимой грозу али весну, смертный? – Карачун, расплывшись в ухмылке, пригладил бороду. – Зима мое время, чужому баловству тут не место. Ныне им токмо на меч свой надежда и остается.

– Смерча зимой я тоже никогда не видел.

– Ветра дуют всегда. А вот гроз и оттепелей я не попусти!

– Тогда все не так плохо.

– Экий ты, однако, самоуверенный! – пристукнул посохом Карачун. – Кабы самому успех твой важен не был, так бы и отпустил в бурях и под мечами гибнуть, дурной голове на вразумление! Но коли ума у тебя не хватает о помощи попросить, так и быть, сам одарю.

Властелин мрака поднялся, пристукнул посохом, поежился, повел плечами, словно сдирая с себя что-то невидимое, и протянул Середину тонкую сеть, похожую на рыболовную путанку:

– Вот, возьми мой плащ. В нем ты будешь невидим не

только для смертных, но и для богов. Незримым, неуязвимым, несуществующим. Иначе тебе до «Голубиной книги» не дойти. Но токмо не забывай: его сила – это моя сила, сила темноты. Плащ действует только в тени. На свету ты сразу обретишь плоть.

– Спасибо тебе, великий бог. Век благодарен буду.

– Запомни эту свою клятву, ведун, – кивнул в ответ Карачун. – Ибо любой долг платежом красен. Кроме плаща, прими еще и подарок, змеиный камень.

Властелин мрака достал и протянул молодому человеку небольшой мешочек.

Середин восхищенно охнул:

– Это тот, от которого любое живое существо в камень обращается?

– Так-то оно так, – подтвердил Карачун, – но и недостатков камень тоже не лишен. Света он боится сильно. Коли порошок из него на солнце попадет – за четверть часа весь выгорит. В тени подольше выдержит, но если днем... Все едино надолго не хватит. А сверх того, камнеет не тот, до кого ты камнем прикоснешься, а тот, которому камень в кровь попадает.

– Обидно... – Ведун все же заглянул в мешочек, и подарок его не впечатлил. Размером с половину кулака, формой похож на обычную серую речную гальку. – Почему у любого супероружия всегда такие жестокие ограничения?

– Потому что законы мироздания требуют равновесия, –

назидательно ответил бог мрака. – Где есть свет, там всегда появится тьма. Где есть жар, там родится и холод. Где есть могущество, найдется и узда, что удержит силу на месте. Но сила всегда останется силой, холод холодом, а мрак мраком. Нужно лишь суметь ими воспользоваться.

– А с помощью жалкого смертного можно стать сильнее-шим из богов?

– Не подведи меня, смертный, – положил посох ему на плечо Карачун. – Награду обещать не стану, ибо моя победа станет для тебя величайшей из наград. Пугать тоже – ибо твоё поражение для тебя будет страшнее любой моей кары. Но могу что-нибудь сделать, если это приблизит нас к цели.

– Отнести меня на гору великанов можешь?

– Пойти к «Голубиной книге» открыто? – Старик покачал головой: – Нет, нас заметят и перехватят на полпути. Тебе придется красться серой мышкой, плоской ухверткой, гибкой змеей...

– Тогда хотя бы лыжи.

– Чего? – вроде даже не понял столь приземленной просьбы Карачун.

– Сотвори мне лыжи. А то старые потерялись.

– Где ты видел, смертный, чтобы тени катались на лыжах? – рассмеялся бог мрака и холода. – Так доберешься, плащ поможет. И помни: на свет не показывайся! Хочешь уцелеть – всегда оставайся в тени.

– Тогда укажи направление на гору.

– Плащ знает, – сказал Карачун.

Бог мрака ударил посохом о землю, рассыпался снежными хлопьями и легким облаком умчался верхом на поднимавшемся ветре.

– Ну вот, – вздохнул Середин. – А ведь мяса я положил на двоих. Придется есть двойную порцию.

Достав из чехла ложку, он зачерпнул на пробу немного бульона, сделал глоток... И вдруг пронизывающая все тело боль ослабла, словно тысячи иголок затупились и теперь кололи вполсилы. Молодой человек торопливо сделал сразу несколько глотков – и тело словно отгородили от игл толстым ватным одеялом.

– Вот это приправа!

Не дожидаясь, пока мясо доварится, ведун снял котелок, поставил его в снег, чтобы быстрее остыл, и стал есть, явно ощущая прилив свежих сил.

Когда последняя обглоданная косточка улетела в кусты, он чувствовал себя уже совершенно здоровым и таким сильным, что мышцы, казалось, вот-вот порвут малицу и вырвутся из нее.

Вот только страшно хотелось спать.

Снова взявшись за косарь, Середин вырезал в стене узкую нору с себя ростом, нырнул в нее ногами вперед и стянул завязку капюшона вокруг лица...

Воин мрака

Новое утро выдалось еще более морозным, чем накануне, и развести огонь стоило немалого труда. Однако остатки ужина смерзлись в котелке в такой прочный ком, что откусить хоть кусочек, не разогревая, было невозможно. К счастью, от вечернего костра уцелело еще много углей и веток, а потому вскоре варево опять закипело. Ведун дохлебал остатки целебного угощения, тщательно отер пока горячий котелок снегом, спрятал в мешок, огляделся.

Разумеется, снежная гора высотой с трехэтажный дом никуда за ночь не исчезла. Ее макушка находилась на уровне сосновых вершин, и была надежда, что, забравшись наверх, можно осмотреться и прикинуть, в какой стороне горы, где река, а если повезет – то и увидеть святилище, в котором хранится «Голубиная книга».

С этими мыслями Середин оправил малицу, нащупал за пазухой сверток, достал. Это была тонкая сетка – «плащ теней» Карачуна. В голове сразу всплыло предупреждение бога мрака о том, что за ведуном охотятся, и мысль забраться на гору перестала казаться столь уж удачной. Если первый удар могучих недоброжелателей Середин выдержал, то второй вполне может оказаться роковым.

«Ладно, давай попробуем, что ты за чудо...» – ведун развернул сетку и набросил на плечи.

И тотчас взвыл от боли в руке – освещенный крест близости столь мощного языческого колдовства не стерпел, буквально ошпарив запястье. Тихо ругаясь, Олег снял крестик, замотал в тряпку, спрятал в поясную сумку, стянул на груди завязки плаща.

«Так, и что теперь? – Он посмотрел на руки, на ноги. – Интересно, как его включать на невидимость? Ах да, Карачун говорил, он действует только в тени...»

Ближайшая тень была прямо здесь, под ногами, под стенкой выкопанного укрытия. Ведун присел, наклонился, боком толкнулся в нижний край ямы, где места в тени имелось побольше, и... И нырнул в нее! То есть – не спрятался, не укрылся, не стал невидимым, а буквально нырнул, словно в омут, в темную воду, скрывшись под ней, исчезнув, растворившись в полумраке, вполне даже вольготно расположившись в ставшем чуть ли не бесконечным пространстве...

Но в первый миг ведун не обрадовался – испугался, как пугается человек, ступивший ногой на твердый с виду мост и внезапно провалившийся в пропасть. Спасаясь, Олег прыгнул обратно и... И вполне даже успешно распрямился возле костра.

Вот это да!

Середин облизнул холодные губы, ступил в тень снова.

И ничего не случилось! Возможно, из-за того, что грудь и голова оставались освещенными солнцем. Присел – и тут же ощутил уже знакомое чувство падения, легкой невесомо-

сти. Растворения в безразмерном полумраке. Ведун попробовал пошевелить руками, ощупать себя. Но, похоже, плащ скрывал своего владельца даже от него самого. Тогда Середин попытался встать и... И оказался на ногах у края своего укрытия.

«Надо же, как интересно... Получается, стоит выглянуть на свет – и ты опять реален? Нужно будет потренироваться. Но для начала попробовать пройти в таком растворенном состоянии хоть несколько шагов».

Ведун поднял собранный мешок, вскинул его на спину, выбрался из ямы и пополз в сторону густой ели, тень от которой падала в двух десятках шагах от него. Встать на ноги молодой человек даже не пытался – проваливаться по пояс ему не хотелось, замучишься потом обратно на наст вылезать. Полминуты пыхтения – и Олег соскользнул в тень, словно лодка в русло реки, без труда промчался почти до самого комля, и здесь остановился, оглядываясь. Высмотрел чуть в стороне ровную линию от ствола одинокой сосны, аккуратно пробрался до нее, стремительно взмыл до самой кроны, которая смыкалась с тенью какого-то лиственного дерева с обширной, но полупрозрачной по зиме кроной. К удивлению Середина, скользить по этой паутине оказалось так же легко, как и по плотному еловому сумраку. А от корня дерева начался плотно облепленный кустарник с тенью почти на две сотни саженей...

Карачун оказался прав: теням лыжи не нужны! Ведун

скользил от дерева к дереву, через кустарники и ложбины с такой легкостью, точно подгоняемый ветром листок по поверхности пруда. Ему даже не требовалось отталкиваться – достаточно было посмотреть, куда нужно попасть, и захотеть... И вся его эфемерная сущность тут же мчалась туда.

Не прошло и часа, а Середин уже втянулся: глаза привыкли выискивать впереди, среди путаницы теней, самые широкие темные полосы, находить места их смыкания, перескакивать с одной на другую, не касаясь света, обходить прогалины, хорониться в сумрачных ложбинках, перемахивать поляны по мостам, проложенным высокими соснами, или обходить их вольготными темными ельниками.

Пару раз, правда, Олег промахнулся, выскакивая из тени на свет и глубоко зарываясь в искрящийся снег. Но Середина это только подзадорило – он тут же рыбкой нырял обратно в тень и мчался дальше так быстро, как только позволяло его новое состояние.

Азарт скорости, восторг от внезапно появившихся возможностей на некоторое время так увлекли молодого человека, что он забыл, куда и зачем стремится. А когда вспомнил – то даже не сбросил темпа. Ведь Карачун утверждал, что плащ знает дорогу к святилищу на горе великанов! Раз удивительный подарок бога мрака не мешает мчаться по теням на запад – наверное, он скользит в нужную сторону.

Раза три во время своей стремительной гонки ведун проскакивал через лыжни. Идущие по насту неглубокие полосы,

судя по слабой накатанности, принадлежали охотникам, что проходили здесь раз в два-три дня, проверяя ловушки. Видимо, потомки рода храброй росوماхи обитали и здесь, добывая себе на пропитание где зайца, где косулю, а где лису. Однако никого из людей Середин не заметил.

Стремительная гонка длилась несколько часов – пока Олег не врезался в какую-то мягкую упругую стену. Это произошло настолько неожиданно, что он даже выкатился в просвет между сосновыми кронами, по грудь провалившись в снег, и потом долго выкарабкивался из рыхлой белой массы, прежде чем снова добрался до тени ствола.

Чуть передохнув там, ведун снова двинулся вперед – и снова неведомая сила остановила его между деревьями.

«Может, не туда иду?» – усомнился молодой человек и, подумав, свернул влево, к ельнику, потихоньку снова ускоряясь.

Так он промчался две сотни саженей, миновал ельник и ивовые заросли и торопливо затормозил...

Впереди открылась небольшая поляна, на которой стоял, укрывшись белой шапкой, деревянный идол, глядя на гостя черными глубокими зрачками.

«Вот проклятие! Граница...»

Похоже, святилище с «Голубиной книгой» находилось совсем рядом. Кому еще, кроме ее служителей, могло прийти в голову расставить в диком лесу заговоренных истуканов, оберегающих невидимую черту?

Ведун заколебался. Заклятия, лежащие на подобных сторожах, были куда страшнее для нежити и духов, нежели для людей. Ведь в нежити, кроме ее странной души, ничего, почитай, и нет. Ее хорошее проклятие на месте убивает, словно тапка – таракана. Смертному легче – у него, помимо души, еще и плоть имеется, каковая эту душу надежно оберегает. Смертный после проклятия обычно отделяется порчей: то лошадь начнет спотыкаться, то мыши у него одежду погрызут, то мешки с припасами прохудятся, то вино прольется, то сам ногу подвернет. Так и живет опосля через пень-колоду.

Порчи ведун особо не боялся – скинуть ее, а то и обратно отвести, для него труда не составляло. Однако в плаще, как понял Олег, ему черту не перейти. Он среди теней сам на духа походить начал.

Снять подарок Карачуна и пересечь границу?

Перейти-то он перейдет. Но тогда о его появлении в святилище наверняка узнают – ведун при том и откроется, и сигнал подаст, чары разрушая. «Серой мышкой, гибкой змеей» прокрасться дальше уже не получится. Выходит...

«Выходит, надо подставить под взор стерегущих гору богов кого-нибудь другого... – ведун попытался почесать в затылке, но здесь, в тени, не смог его нащупать. – Того, кто не привлечет внимания».

В задумчивости он оглянулся по сторонам, скользнул взглядом по деревьям с заснеженными брошенными гнездами...

«О! Кажется, знаю!»

Олег повернулся и заскользил по путанице теней назад, к краю вытянутого ельника, за которым заметил последнюю лыжню.

Что может быть естественнее и безобиднее случайно перешагнувшего запретную черту местного охотника?

Погоня оказалась долгой. Неведомый лыжник шел через лес по прямой, через поляны и опушенные камышом замерзшие болотца, переваливая пологие взгорки. Олегу же пути на свет не было – приходилось обегать открытые места зарослями, пробираться под склонами холмов с северной стороны, метаться направо и налево через лыжню в поисках наибольших теней. И не простых теней, а таких, что непрерывно соприкасаются широкими перемычками. К тому же Олег даже примерно не знал, как давно прошел здесь путник, в какую сторону двигался, да и был ли здесь вообще сегодня...

Однако удача не оставила ведуна – часа через два петлявший по заваленному снегом лесу он наконец-то увидел впереди лыжника с большим полупустым заплечным мешком на каркасе из прутьев. Одет охотник был в такую же малицу, как и Олег, и обут в такие же высокие меховые сапоги. Вот только в руках сжимал копьё с костяным наконечником, да на поясе не болталось ничего, кроме короткого ножа в замшевых ножнах с беличьей опушкой.

– Надо же, – пробормотал ведун, обгоняя его через густые заросли лещины. – А ведь меня от детей росомахи ныне и

не отличить...

Он остановился под сосной, тень которой падала широким мостом через сверкающую прогалину, разрезанную лыжней, затаился, а когда охотник добрался до нужного места – метнулся вперед, стремительно перескочив в его тень. Замер, размышляя, что делать дальше. Однако подарок Карачуна все решил за Середина – и ведун заскользил за путником, сидя в тени того, словно в санях, и не прилагая для того никаких особых усилий.

Охотник неожиданно оглянулся – наверное, что-то почувствовал. Шмыгнул носом, отер лицо рукавом и полубегом двинулся дальше, утягивая тень с незванным пассажиром. Лишнего груза потомок росوماхи, похоже, совершенно не ощущал.

Лыжник оставлял позади сажень за саженью, помахивая копьём и иногда упираясь им в наст. Время от времени останавливался, смотрел в чашу, громко и недовольно пыхтя, и снова бежал через поляны и заросли. Опять останавливался. Олег смотрел ему в затылок и размышлял, как заставить бедолагу перейти границу святилища – притом, по возможности, не выдавая своего присутствия. В голову лезли только всякие глупости вроде негромкого нашептывания, типа «внутреннего голоса», или надписей на снегу перед охотником.

Однако ведун был не уверен, что здешний лесной житель умеет читать. С «внутренним голосом» туземец скорее побежит не на гору великанов, тщательно охраняемую, а к сво-

ему шаману за помощью. И быть тогда Середину в очередной раз изгоняемым духом подземного мира! Как там, помнится, его звали? Самсайока?

Охотник снова остановился, посмотрел в лес – и вдруг встрепнулся, побежал туда, завозился меж двух тонких сосенок. Приподнял со снега ветку, вытащил из-под нее довольно крупную куницу. Подставил под ветку обвязанную нитью палочку, оттянул, перекинув куда-то за ствол, достал из мешка кусочек мяса, сунул под ветку. Попятился, убрал куницу в мешок, вскинул его на спину. Взял копье двумя руками, бодро вернулся на лыжню и потрусил дальше. А уже через полторы сотни саженей свернул снова, разжился белкой, настропалил ловушку и побежал. Где-то с версту охотник опять шагал впустую, а затем нырнул в чащу за крупной пушистой лисой.

Так, верста за верстой, мешок охотника потихоньку тяжелел и к сумеркам уже оттягивал ему плечи. Оказалось, что путь обхода ловушек хорошо вымерен – аккурат к вечеру лыжник вернулся к своему селению. Это было видно издалека: множество тропок в снегу, порубленные нижние ветви деревьев, пятна высыпанной золы и россыпи выброшенных костей. Понятно, что люди ходили здесь постоянно и в немалом числе, избавлялись от мусора и занимались прочими житейскими делами. Само собой, здесь пахло и дымом, и некоторой влажной затхлостью, и гнильцой. И уже издалека слышались резкие мужские и женские голоса.

Охотник ускорил шаг, пробежал мимо длинной высокой стены заиндевевшей лещины, повернул – и впереди наконец-то открылся поселок.

Внешне это стойбище очень напоминало то, в котором ведун оказался несколько дней назад: два десятка больших яранг, крытых линиялыми шкурами оленей, быков и лосей, с дымовыми клапанами на острых макушках. Между собой семейные жилища соединялись низкими крытыми проходами, и чуть подальше, в центре, проглядывала деревянная крыша маленького домика на столбе, подозрительно напоминающего домовину.

Однако для обычной охотничьей стоянки селение было все-таки слишком большим. Столько людей ближнему лесу не прокормить, за месяц всех косуль и зайцев на десяток верст окрест выбьют и на волков перейдут. Значит, где-то тут имелся схрон с припасами. А где припасы – там и зимовье. Может статься, и теплый земляной дом где-то рядом имеется. Просто сейчас семьям удобнее у своих очагов жить, а не под общей крышей тесниться. Вот вдарят серьезные морозы – тогда и переберутся...

Мысли о быте охотников мгновенно выветрились из головы ведуна, когда он увидел перед ярангами с десятков высоких бородачей в тулупах, расшитых цветами и рунами, украшенных соболиным и горностаевым мехом, опушенных бобром, опоясанных длинными прямыми мечами и ножами. На головах незнакомцев были енотовые и лисьи треухи, на но-

гах – тоже расшитые валенки...

Впрочем – почему «незнакомцев»? Именно так, судя по описаниям, и должны выглядеть светлые воины, храбрая стража святилища, сохраняющего великую «Голубиную книгу» от житейских невзгод.

«На ловца и зверь бежит, – обрадовался Олег. – Нужно только перепрыгнуть в тень любого из воинов, и они сами отвезут меня на гору великанов».

Трое светлых воинов грузили на сани охапки мехов и мясные туши, ошкуренные деревянные колоды – наверное, с медом, – какие-то тугие узлы. Трое саней, пятеро воинов рядом с ними в охране, еще один – с золотым амулетом в виде маленького колеса с семью спицами на груди. Коловрат, солярный диск. Значит, точно стража святилища, и этот воин у них старший. Еще несколько ратников сновали по стойбищу, то занырявая в яранги, то выскакивая – иногда с какими-то шкурами, посудой или топорами.

Охотник замедлил шаг, свернул к кустам. Его тень ушла глубоко под ветви, коснулась отброшенной далекой елью широкой темной полосы – и ведун перескочил на нее, скользнул вдоль поляны перед ярангами, по самому снегу прокрался в тени саней, а от них – перемахнул в тень одного из воинов, сторожащих сани. Теперь можно было расслабиться и спокойно ждать, когда охранники святилища отправятся домой.

Перед старшим воином стоял на коленях худощавый ста-

рик с красным, словно обожженным, лицом и, кланяясь, оправдывался:

– Весна поздняя случилась, светлый воин, выпасы поздно зазеленели. Посему отел слабый у зверей получился, мало кому вес набрать удалось. А нет молодняка – нет и зверя хищного...

– Мы себя не жалеем, со злом сражаясь! – перебил его воин. – Мы ночами не спим, каждый день десятки верст проходим, не допуская темные силы в наш мир! Мы спасаем вас от рабства и гибели! Вы что хотите, чтобы мы голодными из-за вас остались?! Где мясо?! С рода твоего пять пудов назначено сдавать. Пять! А вы меньше трех притащили. Ты хочешь, старый, чтобы я сам искать его начал? Я ведь найду! Но что найду – то уже все мое, без остатка!

– Смилуйся, светлый воин, – упал в ноги старик. – Сами от голода отошали, похлебку из коры хлебаем, траву под снегом роем. Нет у нас более припасов, год пустой совсем. Как до тепла дожить, не знаем...

– Два сорока соболей с тебя причитается! – рывкнул охранник. – А я вижу лишь один!

– Сезон токмо начался, светлый воин! Мы заготовим. Мы доведем...

В общем, в поселке тянулся обыденный сбор податей, все как всегда. Старейшина ни за что не даст лишнего – ибо в следующем году потребуют еще больше. Тиун не уступит ни пяди – иначе недоимки войдут в привычку. Приданная сбор-

щину стража жадно рыскала по ярангам, надеясь поживиться хоть чем-нибудь сверх положенного. Местные жители, не будь дураки, все ценное, конечно же, попрятали. Слезы, порка, крики, несколько синяков – и тиун со старостой договорятся. Если мяса и вправду нет – недоимку возьмут чем-нибудь другим или позднее довезут. Если есть – то, утомив сборщиков и выдавив из них немного жалости, староста его отдаст. Ведь если расстаться с нажитым слишком легко – тягло тут же попытаются накинуть.

За пологам яранг слышались то ругань, то хруст, то скулеж, то женские крики, то рев. Или, точнее, все это вперемешку. Вот из одной яранги выскочила девушка – простоволосая, в одном только меховом комбинезоне, называемом в этом мире керкером, с рыжей короткой шерсткой на лице, отбежала на несколько шагов, упала на живот, громко плача и стуча кулаками по утоптанному снегу. Следом вышел светлый воин, похлопывая по полусогнутому локтю вышитыми заячьими рукавицами. Похоже, совсем новенькими.

Из соседней вылез другой стражник, совсем молодой, лет двадцати с небольшим – борода и усы еще только пробились, хотя и были уже достаточно заметны. Тулуп, шапка, меч – такой же, как все. На ходу он разглядывал что-то небольшое, на кожаном шнурке.

– Отдай, отда-ай!!! – выскочила следом девочка лет восьми в похожей на колокол кухлянке. – Она моя!

– Альва, стой! – кинулась за ней из яранги женщина с ли-

цом, поросшим пятнистой рысёй шерстью, но не успела: девочка догнала мужчину, вцепилась обеими руками в его тулуп чуть ниже пояса:

– Отдай!

– Пошла вон! – хлестко отмахнулся от нее светлый воин, врезав ладонью по лицу.

Девочка завалилась, слетая с ног, и не упала на снег лишь потому, что не разжала рук, крепко держась за своего врага:

– Отдай! Она моя!

– Отстань! – воин махнул рукой снова, но теперь малышка изловчилась и вцепилась зубами в его ладонь.

– Ах ты тварь! – светлый воин со злобой отшвырнул девочку, выхватил меч, рубанул.

– Альва!!! – завизжала в ужасе женщина, сталь звякнула о сталь... и светлый воин в изумлении замер, глядя на возникшего перед ним врага.

Ведун, стремительно выскочивший из тени и успевший принять удар на саблю, тоже замер – его порыв был столь стремителен, что задуматься над ним Середин не успел и, что делать дальше, теперь просто не знал.

– Сдохни, тварь лесная! – Светлый воин чуть отступил и нанес стремительный удар Олегу в грудь. Тупо и прямолинейно, как ученик на первом уроке рукопашного боя.

Середин чуть повернулся, опустив клинок сабли вниз и отпихивая меч влево, и тут же рубанул обратным движением, раз уж рука оказалась откинутой в полный замах с полу-

оборотом туловища. Голова светлого воина чуть дернулась и скатилась на снег.

– Значит, так, – скинув тяжеленный заплечный мешок, размеренно произнес ведун. – Меня зовут Самсайока. Я – дух нижнего мира. Дарю смертным подарки и забираю тех, кто их принял, с собой.

Расправив мгновенно полегчавшие плечи, он поднял взгляд на тиуна:

– Уходите отсюда. Все остальное здесь мое!

– Кто ты такой? – хрипло спросил светлый воин.

– Неужели не понятно? – Середин поднял отрубленную голову и кинул тиуну.

– Убейте его! – заорал старший.

Светлые воины повыхватывали мечи, двинулись вперед.

Олег хмыкнул и нырнул в близкую тень яранги.

Стражники святилища остановились в растерянности.

– И где он? Куда он делся?

– Это дух нижнего мира, – ответил стоящий на коленях старик. – Он провалился сквозь землю.

– Сейчас вернем! – Тиун решительно пересек поляну, сгреб левой рукой девочку, выхватил нож и прижал к ее горлу, закрутил головой: – Выходи! Выходи, тварь черная! Выходи, или я зарежу эту гадину!

По тени от яранги ведун скользнул к стражникам, вдоль их ног метнулся к саням, а от них, по отброшенной сосной полосе – за спину тиуну. Там и выпрямился.

– Буривой! Сзади! – закричали сразу несколько воинов.

Однако Олег успел схватить левой рукой его кисть, вернуть наружу, одновременно ткнув кончиком сабли в подбородок:

– Я же сказал: здесь все мое...

Нож выпал на снег, ведун оттолкнул тиуна от себя, и светлые воины, все сразу, тут же ринулись вперед. Однако Середину было достаточно сделать шаг назад... И он оказался в тени сосны.

– Что за?.. – растерянно выдохнул тиун. – Так, я сейчас...

Но схватить девочку второй раз он не успел – из сосновой тени опять выступил Олег, и его легкая быстрая сабля опять легла на горло неугомонного сборщика дани:

– Последний раз предупреждаю!

Он услышал позади похрустывание снега...

– Самсайока, берегись!!! – женщина кинулась вперед, сбивая с ног девочку, откатилась в сторону.

Олег выждал еще два мгновения и, только услышав резкий выдох, вмиг пригнулся и крутанулся вокруг оси, уводя саблю вслед движению тела.

– Х-ха!!! – ударил в пустоту светлый воин, достав кончиком меча до груди тиуна.

– Ш-ш-ша! – прошелестел клинок по его тулупу, вспарывая шкуру, рубаху под ней и кожу на ребрах.

– Бей его!!! – опять ринулись вперед светлые воины.

Ведун выдернул косарь, принял первый выпад, уколол под

руку, тут же отмахнулся от меча справа, обратным движением рубанул под подбородок, чудом поймал длинный выпад слева и, окруженный со всех сторон, нырнул в сосновую тень, скользнул по ней под ноги нападающих. Вскочил снова и с железным шелестом провел скрещенными клинками один о другой.

Воины повернулись на звук, закричали, ринулись толпой, норовя зарубить его из-за головы, словно орудовали топорами, а не мечами. Ведун спешно попятился, чтобы не затоптали, вскинул косарь над головой поперек, встретил им один удар – уколол под него, второй – уколол под него, третий...

Ощутил пятками рыхлый снег и что есть силы бросился вправо, к высоко груженным саням, растворяясь в их тени. Светлые воины кинулись следом, врезались в узлы, закрутили головами.

Олег, обогнув тенью поляну, выступил со стороны яранги, скрестил клинки, прошелестел сталью:

– Может, хватит?

– А-а-а!

И опять: прямой укол – встреча на саблю с полуповоротом, обратный удар поперек груди, шаг влево, косарь под меч, прямой укол, шаг вправо, меч на саблю, косарем в ответ по локтю, шаг назад, нырок в тень. Быстрое скольжение к саням, от них к сосне – и ведун снова вышел из тени, скрестил клинки, провел одним по другому:

– Вас осталось всего шестеро, светлые воины! Смиритесь!

– Мы уьем тебя, тварь! – звонко выкрикнул молодой сборщик податей.

Бородачи промолчали, но смотрели угрюмо и решительно, разойдясь в полукруг и осторожно подступая к Середину.

– Да что же вы смотрите, мужчины! – отчаянно закричала мать Альвы, крепко обнимая девочку и укачивая, словно пытаюсь убаюкать. – Бейте их!!!

Охотников на поляне было всего четверо: старик, пара мальчишек, один взрослый – причем все безоружные. Однако призыв заставил светлых воинов забеспокоиться, остановиться. Тут вдруг послышался шелест, и крайний бородач вскрикнул, схватился за бок, из которого торчало копье, повалился с ног.

– Я здесь! – стукнул Олег клинком о клинок, привлекая внимание, и уже сам направился к стражникам святилища.

Трое пошли на него, двое отвернули назад. Оттуда, из-за кустов, бежал с ножом в руке уже забытый ведун охотник. Светлые воины вскинули мечи... Но тут им под ноги метнулся старик, пытаясь опрокинуть, и оба меча вонзились в него. Охотник ринулся на крайнего воина, безоружные мальчишки на второго... Дальше ведун не видел, поскольку на него самого напал плечистый чернобородый воин. Который, увы, мечом не рубил и не колот, а попытался подрезать самым кончиком колени – значит, был опытным.

Справа и слева ведуна охватывали бойцы помоложе, и Середин, слегка подпрыгивая, пошел влево, стремясь обогнуть

противника в лисьем треухе, прячась за него от более опытного врага.

– А-а-а! – воин кинулся к нему, демонстрируя больше отваги, чем мастерства.

Ведун шагнул навстречу, скрещивая клинки вперед, ловя меч в перекрестье.

– Стой! – рывкнул сзади бородач, но было уже поздно: Олег развел клинки, косарем лупя ближе к острию меча, а саблей – по рукояти, и выбитое оружие, сверкнув, полетело к яранге.

Паренек изумленно ойкнул, провожая его взглядом, получил прямой удар в челюсть и откинулся на спину, открывая Середину путь.

– Интересно, какого цвета у демона кровь, – зло прищурился бородач и тоже достал нож.

Он был спокоен, и ведуну это очень не нравилось. Олег двинулся вправо, от яранги на открытое место.

– Вовк, не лезь! – не оборачиваясь, предупредил светлый воин. – Он меня боится, на тебя нацелился.

– Значит, начнем с тебя, – вздохнул ведун, чиркнул клинком о клинок и быстро двинулся на бородача.

Тот хмыкнул, приподнял меч, полужакрывая грудь, и выставил нож перед большим клинком. Ведун ругнулся, отошел на шаг – в близкой схватке короткий нож опаснее меча. Бородач ослабил.

– А так? – Олег метнулся вперед, рубя врага поверху по

правому плечу.

Тот умело отмахнулся, меч и сабля пошли влево, уводя туда же и косарь. Бородач, торжествующе вскрикнув, попытался всадить нож ведуну в открытый бок, но Середин всем телом качнулся еще левее, поворачиваясь, рубанул с замаха, метясь в кисть. Бородач руку отдернул, но по рукаву и ножу клинок попал. На снег закапала кровь.

– Откуда ты такой взялся? – набычился бородач. – Откуда у тебя стальные клинки, тварь буреломная?

– Сам ковал... – честно признался Олег и взмахнул косарем. Скрестил нож с мечом, стремительно вскидывая саблю и направляя кончик к горлу бородача.

Светлый воин отклонился, закрываясь ножом, – и быстрый обратный удар сабли еще раз резанул ему руку.

Нож упал, сборщик податей сморщился от боли:

– Проклятая тварь! Чего тебе нужно?

– Защищайся! – Олег вернул косарь в ножны, рубанул саблей воздух. Сделал выпад, перенос, сближаясь, отбил выпад бородача, упрямо стоявшего на месте.

Еще шаг вперед.

Светлый воин закрыл мечом грудь, и они сошлись вплотную, грудь в грудь и лицом к лицу.

– И что теперь, лесной дух? – презрительно хмыкнул воин.

– Это... – ведун наложил ладонь на обратную, широкую и гладкую сторону своего клинка, с силой нажал и рванул вниз, вспарывая одежду и грудь врага, быстро отступил.

– Проклятие... – бородач растерянно посмотрел на свой обоюдоострый меч, подобных вольностей не позволяющий. – Нужно будет попробовать...

Что именно, он не договорил: его глаза остекленели, и светлый воин завалился набок. Бородач еще дышал – от кровопотери умирают не сразу. Просто быстро слабеют до полного небытия. Ведун опустился рядом с ним на колено, взял за руку:

– Ты был хорошим бойцом, мужик. Извини. Я просто хотел уехать с вами. Сам не знаю, как все это получилось...

Однако охотники стойбища его сомнений отнюдь не разделяли. Пока он дрался с бородачом, они добились остальных светлых воинов и теперь зло пинали мертвые тела ногами. И охотники, и их женщины, и даже дети...

Олег вытер клинок сабли о тулуп затихшего бородача и откинулся на спину, растворяясь в тени соснового ствола. Мгновение спустя появился возле своего мешка, поднял и скрылся в тени снова, отдыхая и переводя дух.

Теперь ведуна мучили три вопроса. Самый главный – заметили его враждебные боги или нет? Пора ждать их появления, или все пока обошлось? И еще два, не менее насущных: как бы поесть и где выспаться? День уже почти закончился, искать место для отдыха в стороне от стойбища поздновато. Оставалось одно...

Подобно легкому невесомому ветерку, Олег скользнул в ближнюю ярангу, облетел ее между пологам, выискивая ме-

сто, чтобы спрятать мешок, остановился меж двух кутулей солидного размера и...

И ничего! Отсюда, из мира теней, положить вещи в мир реальности оказалось невозможно. Мешок оставался частью его самого, оттягивая руку, и отделяться от невидимого и невесомого духа ведуна не желал. Однако сумрак здесь царил везде, выйти из тени было просто некуда!

Мысленно ругаясь, Середин сделал еще виток вокруг внутренней яранги, потом заглянул в нее. Там, в очаге, тлела темно-малиновым жаром россыпь углей. Тепло она давала, а вот света – нет. Ведун ругнулся снова, выскользнул наружу, остановился под стеной жилища.

Местные обитатели, отведя душу, растаскивали тела. Светлых воинов – подальше в лес, зверью на пирушку. Мертвого старосту, наоборот, посадили у дерева, дали в руку плоску и какую-то костяную палицу с каменным набалдашником, надели на голову шапку.

Впрочем, насколько понимал Олег, судьба старика от судьбы его врагов отличалась несильно. Староста тоже окажется наедине с голодными лесными обитателями. Просто обряд проведут с большим уважением: бросят не на землю, а поместят в домовину на каком-нибудь возвышении; не ограбят, а снабдят подарками и припасами в последний путь; не оберут, а нарядят в лучшие одежды.

Между тем вокруг уже темнело...

Покрутив головой, Олег заметил кусачую девочку, из-

за которой и случилось все это досадное недоразумение. Скользнул к ней, вышел рядом из тени, тут же прижал палец к губам и опустил перед малышкой на колени:

– Тс-с...

– Спасибо тебе, злобный Самсайока, дух нижнего мира, – девочка крепко обняла Олега и поцеловала в щеку.

– Ты всегда можешь положиться на меня, храбрая Альва, – улыбнулся ей Середин и тоже тихонько обнял. – А ты не могла бы мне немного помочь?

– Как, Самсайока?

– Разведи огонь у себя в яранге.

– Зачем?

– Я хочу погреться в теплом доме у яркого огня, Альва. Снять одежду, разложить вещи. Приготовить ужин... Если получится...

– Я быстро, Самсайока! – девочка отпустила его и кинулась к жилищам.

Ведун оглянулся еще раз, скользнул следом.

Как он и подозревал, ярангой девочки была та самая, из которой она выскочила вслед за светлым воином. Развести же огонь малышке никакого труда не составило: она просто кинула на угли несколько березовых полешек и с помощью тонкого длинного шеста, похожего на удилище, откинула кожаный клапан на крыше. Поленья почти сразу задымили, а потом разом полыхнули, наполняя небольшое помещение трепещущим красным светом. И чем ярче они разгорались,

тем стремительнее наполнялся плотью ведун, и тем тяжелее становился мешок в его руках. И что тоже весьма приятно – Олег начал ощущать струящееся от очага тепло.

Девочка посмотрела на полупрозрачного пока гостя, оглянулась на вход, снова уставилась на него:

– Ты ходишь под землей, злобный Самсайока? Там правда есть еще один нижний мир с лесами, полями и реками?

– Почему ты называешь меня злобным? – ведун протянул руки к огню.

– Не знаю, Самсайока... – неуверенно ответила Альва. – В сказках тебя всегда злобным называют. Ты слуга нижнего мира, ты очень страшный, ты приходишь к нам обманывать и убивать.

– Это верно, – вздохнул Олег. – Обманываю и убиваю я с легкостью. Сегодня вот опять...

– Ты совсем не страшный, Самсайока. – Девочка скинула капюшон, крепко обняла гостя на уровне пояса. – Спасибо тебе, что ты злой и убил много светлых воинов. Если бы ты был добрый, они отобрали бы у меня папин...

Полог приподнялся – и в ярангу с тревожным криком ворвалась женщина, схватила малышку, прижала к себе:

– Смилуйся, могучий Самсайока! Не забирай ее! Возьми лучше меня!

– Куда? – не понял Олег.

– Не забирай ее в нижний мир! Она случайно подобрала твой подарок! Если тебе нужна жертва для темного Кулью-

тыра, возьми меня! – женщина попыталась задвинуть Альву себе за спину.

– Не пугайся, смертная, никто ее не заберет, – наконец сообразил Середин. – Оказывается, я ошибся. Она подобрала не мой подарок, а... это... Чего у тебя там было, Альва?

– Я для папы подвеску вырезала, для счастливой охоты! Вот! – гордо сообщила девочка, выбралась вперед и показала фигурку с привязанным шнурком.

Это был маленький белый заяц, сидящий на задних лапах и высоко поднявший уши. Удивительно изящная и красивая фигурка, учитывая то, что вырезала из кости ее совсем еще малолетка, не имеющая никакого образования.

– Какая изумительная вещичка, – покачал головой ведун. – Немудрено, что я принял ее за свою.

– Правда? – Лицо Альвы расплзлось в такой широкой улыбке, что она стала походить на розового лягушонка.

Женщина несколько раз нутужно кашлянула, вскинула руку, почесала шерсть над бровями, еле заметно качнула головой.

– Нет, это для папы! – бесхитростно возмутилась девочка, поняв мамины намеки. – Самсайока, если ты хочешь, я тебе тоже вырежу...

– Конечно, хочу, – согласился ведун. – Папа-то ваш где?

– Снаружи, со всеми. С охоты вернулся, а тут битва, – ответила женщина, еще раз отерев шерстку на лице.

Олег покосился на Альву, хмыкнул. Трудно было пове-

ритель, что эта милая щекастая малышка, когда повзрослеет, тоже покроется шерстью.

– Хозяйка, дозвожь мешок свой на время у тебя оставить? – спросил Олег. И не удержался от присказки: – А то так кушать хочется, что переночевать негде.

– Да, злобный Самсайока, вот, у постели клади. Завсегда под приглядом будет, – засуетилась женщина.

– Хозяин возражать не станет?

– Да только рад будет! Ты же дочь нашу старшую от смерти спас, злобный Самсайока! То есть... – спохватилась она и поправилась: – То есть добрый Самсайока! Или... Не добрый? – окончательно сбилась женщина.

– Пусть будет «темный», – предложил ведун, не желая называть настоящего имени. Зачем лишний раз подсказывать богам, где он прячется? Вдруг они слушают?

– У нашего очага завсегда для тебя место найдется, темный Самсайока! Покуда живы будем, всегда приветим с радостью. И детям нашим о том накажем...

– Это радуется... – Олег отнес мешок в указанное место. – Припасы у меня, кстати, есть. Просто приготовить не на чем.

– Зачем тебе готовить, темный Самсайока? Охотники рода для тебя жертву готовят, мясо пекут. Победу над светлыми воинами праздновать хотят. Шаман вызывать тебя станет, благодарить и угощать, хвалить и одаривать.

– Этого мне только не хватает... – поморщился Середин. – Как бы он взаправду демонов нижнего мира не вызвал. Где

все это действо готовится?

– Знамо где, у шамана в яранге.

– Женщин туда пускают?

– Пусть попробуют не пустить! – презрительно хмыкнула хозяйка.

– Тогда возьми два пучка хвороста, ветки выбирай короткие и помельче, и ступай туда. Как только шаман соберется меня вызвать, брось пучок в огонь. Так, чтобы, когда полыхнет, света получилось поболее.

– Коли ты так желаешь, темный Самсайока, исполню в точности, – пообещала женщина.

– Тогда иди. А ты, Альва-искусница, встань между мною и костром.

– Зачем? – спросила девочка, но просьбу исполнила.

Ведун подмигнул малышке, присел и растворился в ее тени...

* * *

Яранга шамана была заметно больше всех остальных на зимовье. В ней, в отличие от прочих, не было внутренней, теплой загородки. Старый Пурлахтын не чувствовал холода. Белоглазый и облезлый, почти без волос, морщинистый, с лицом, усыпанным большими темными и белыми пятнами, с тонкими ручками и ножками, торчащими из вытертой одежды, он сам походил на одного из духов, с которыми общался.

Жена его давно померла, дети выросли, разошлись по своим семьям, и потому жаловаться на неустроенность закопченного жилища было некому. Шаман спал, сидя на выстеленном шкурами полу и поджав под себя ноги, ел вместе с духами приносимые им жертвы, а когда не было подношений – жевал снег и уходил в верхний мир, угощаясь на пирах, что устраивал для духов Нумиторум, великий бог, покровитель живых и мертвых.

Во всяком случае, Пурлахтын не раз рассказывал об этих пирах мужчинам, что приносили ему подарки после удачной охоты, или просящим помощи после охоты плохой.

Яранга шамана была такой же старой, как и он сам, за долгие годы она почернела изнутри от дыма очага и окуриваний для изгнания духов. Шкуры на ней лежали в два слоя, так что, несмотря на свою старость, яранга не промокала под ливнями и не продувалась зимними ветрами. Из добра же Пурлахтын за свою жизнь нажил только бубен, украшенное хвостами бурундуков било с оголовьем из черепа белки да истрепанную малицу, увешанную деревянными и костяными амулетами и украшенную по вороту и подолу зубастыми челюстями соболей, горностаев и куниц.

Дров шаман тоже никогда не заготавливал. Когда хотел развести огонь – просто брал с полениц соседей, и никто ему в том никогда не перечил. Вот и в этот раз он набрал для костра по охапке то тут, то там, развел огонь, выдув его из черепа росوماхи, принесенную тушу оленя порезал ломти-

ками и развесил их вблизи огня на толстых и лохматых крапивных нитях. Пламя трещало, выбрасывая снопы искр, от близкого жара мясо, крутясь на нитках, запекалось, издавая благоухание, яранга наполнялась теплом... И людьми, пришедшими сюда после наступления темноты.

Охотники садились к костру, хотя и на почтительном удалении, чтобы места на всех хватило. Старшие чуть ближе, молодые охотники дальше. Мальчишки мялись за их спинами. Женщины же, не садясь, вставали вдоль стены, постепенно расходясь от входа все дальше и дальше.

– Сегодня славный день случился для нашего рода, – наконец заговорил Пурлахтын. – Духи снизошли к нашему стойбищу и показали, что они не забыли нас и готовы вступить за род храброй росомахи, когда справедливость покидает нашу землю, уступая место жадности!

– Позови его, Пурлахтын! – не выдержал кто-то из молодых охотников. – Мы хотим поклониться ему!

– Мы хотим узнать, зачем он это сделал, – мрачно произнес охотник из первого ряда. – Теперь светлые воины придут и перебьют весь род!

– Что ты говоришь, Салтык?! – возмутился охотник в малице с лисьим воротом. – Они хотели убить мою дочь!

– Так убили бы ее одну, а теперь убьют всех!

– Не убьют! Откочуем, не найдут...

– Зимой?! – оглянулся на него старший охотник. – От припасов – в лес и снег? И куда? Али тебе ведомы угодыя, никем

еще не заселенные? Светлые воины злопамятны. Выследят и вырежут всех от мала до велика. Они за копье с железным наконечником али за нож длинный и то горло режут. А уж за убийство своих... Истребить нас дед плачущий захотел. Посему так и изгаляется.

– Он дочку мою спас!

– Да что ты заладил: «дочку, дочку»? – отмахнулся охотник. – Дочку новую недолго родить. А ныне роду всему погибель!

– Тебе, дух нижнего мира, Самсайока, слуга все сильного Кульотыра, тебе люди смертные сии дары принесли, – усевшись перед самым костром, шаман протянул руку и сорвал один из мясных ломтей. – Тебя они зовут, твою волю ждут услышать...

Пурлахтын засунул ломоть в рот, с громким чавканьем прожевал, покачал головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.